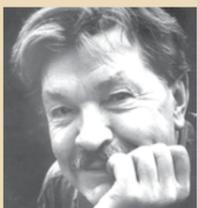

Литературная газета

№ 4 (101), 2018

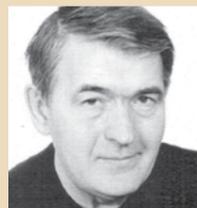
Сын рассветного
неба Валентин
Устинов

стр. 6-7

Владимир
Муссалитин.
Поездка в Спасское

стр. 12-14

Будущее Земли
от Ивана
Ефремова

стр. 16-17

Крепость поэзии

В Доме Ростовых состоялась презентация сборника стихотворений поэтов Абхазии «Сухумская крепость» на русском языке, изданного в рамках литературного проекта Международного сообщества писательских союзов «Поэты в переводах»

Но вначале председатель МСПС Иван Переверзин провел встречу с абхазскими авторами, на которой состоялся обстоятельный разговор о дальнейшем сотрудничестве. В ходе беседы стороны выразили удовлетворение от работы над проектом «Сухумская крепость». «Впереди у нас еще много дел», — заключил Иван Переверзин, имея в виду совместные планы.

Вечер поэзии подготовил и вел заместитель председателя МСПС Юрий Коноплянников.

Заместитель председателя МСПС Владимир Середин, приветствуя собрание, заверил: «Мы будем делать всё возможное, чтобы до конца года выпустить ещё 2-3 книги абхазских авторов».

Новая книга — всегда интересное путешествие в чью-то жизнь, каждый раз маленькая о ней повесть. И мы многое поняли об этой жизни из выступлений абхазских поэтов и их русских друзей.

Так, руководитель Московской писательской организации, яркий поэт-переводчик Владимир Бояринов с особой теплотой говорил о том, как прижилась абхазская литература на советской земле, как она расцвела и приносила плоды.

«Великая литература начинается с фольклора, — сказал Владимир Георгиевич, имея в виду, что вначале основоположник абхазской литературы Дмитрий Гулиа выпустил в свет абхазские пословицы, загадки, скороговорки, а затем пошла стихи и дальше — проза». Вспомнил поэт и таких замечательных переводчиков, как Игорь Шкляревский, Фазиль Искандер и других.

Составитель сборника — директор Литфонда Союза писателей Абхазии Вахтанг Абхазоу, чьи стихи в переводах Н.Переяслова, А.Сареяна, Э.Дзыбы и других стали одной из ярких страниц издания, рассказал, что абхазская поэзия, начавшись в начале века с Гулиа, прошла весьма непростой и даже трагический путь становления. Достаточно сказать, что в конце тридцатых годов XX века язык этого наро-

да был вообще запрещён, и Абхазия долгое время «молча» жила в составе Грузии.

Понятно, каким событием на этом фоне стала первая и единственная в XX столетии «Антология абхазской поэзии», выпущенная в 50-е годы минувшего века на русском языке — поистине величайшим. А об этом, презентуя новый сборник, вспоминали на вечере не единожды. Потому, что и это издание, «Сухумская крепость», — большое событие, учитывая сложившееся в современной России положение писательского цеха и ситуацию с изданием книг, и логическое продолжение той антологии.

Здесь, в этой недавно изданной книге, в переводах Ст.Куняева, А.Передреева, Ю.Кузнецова, Ф. Искандера, В. Еременко, А. Бардодыма, С. Агальцова, И.Качалова, А.Кафанова и других известных мастеров

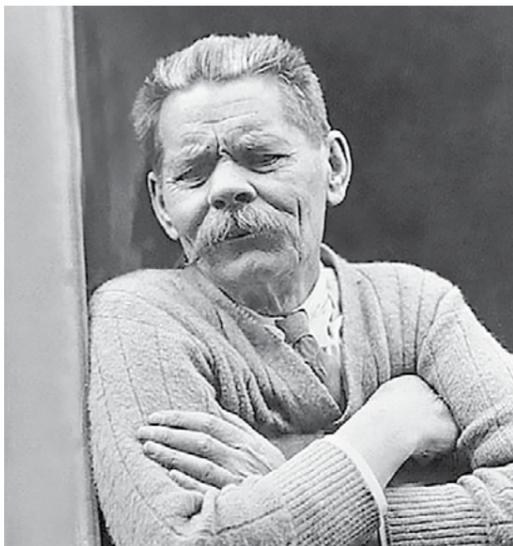
поэтического слова представлены стихи нескольких поколений: Георгия Гублиа, Виталия Амаршана, Игоря Хварцкиа, Мушни Ласуриа, Терентия Чания, Платона Бебиа, Мушни Микана, Валерия Касландзия, Геннадия Аламия, Рущбея Смыра, Владимира Зантариа, Сергея Агындиа, Анатолия Лагулаа, Гунды Квициния, Гунды Сакания, Заира Тхайчук, Дмитрия Габелиа. Они представляют собой связь времен, переключку эпох и поэтов и свидетельствуют о том, как бережно хранят абхазы то, что было создано несколько десятилетий назад, когда национальная литература формировалась и расцветала.

Продолжение на стр.3

Максим Горький и наше время

Непривычно тихо для столь крупной фигуры — Максима Горького — прошлестела дата: 150 лет со дня рождения. И накануне в Москве учёные-литературоведы собрали круглый стол, чтобы подумать: а что происходит? Какие факты из биографии писателя, какие открытия могут быть интересны современному человеку? В самом деле, кем для нас является Горький?

Это всего лишь икона, которую мы достаём по праздникам из шкафа и ставим в красный угол, или же это живой человек и о нём хочется узнавать как можно больше?

Для участия в этой непростой дискуссии в Каминный зал Института мировой литературы РАН были приглашены ведущие литературоведы мира, специалисты по творчеству М.Горького.

Член-корреспондент, заведующая отделом новейшей русской литературы и литературы русского зарубежья ИМЛИ РАН Наталья Корниенко отметила, что сегодня у Горького не будет массового читателя. Но больше всего удивляет тот факт, что и в научной среде имя такого крупного писателя игнорируется. В последнее время почти нет диссертаций по Горькому. В лихие ельцинские 90-е годы, когда страну захлест-

нули либеральные лозунги, когда многие с тревогой ожидали закрытия ИМЛИ, сотрудникам института удалось отстоять имя Горького. Сегодня же, когда памятник писателю возвращён на площадь Белорусского вокзала, его имя не вызывает таких горячих дискуссий, как в эпоху «перелома».

Формы популяризации творчества Горького найти непросто, но очень важно, чтобы молодёжь знакомилась именно с первоисточником, с его текстами, а не с критикой Горького, которая, в самом деле, способна отбить даже у книгоманов интерес и желание читать оригинал. Провели простой эксперимент. Попросили студентов филфака прочитать «Жизнь Клима Самгина», не обращая ни к каким литературоведческим комментариям. Результат по воздействию на них романа был поразителен!..

Продолжение на стр.8-9

Поздравляем Автандила Курашвили!

Уважаемый Автандил Сергеевич!

Международный Союз общественных организаций «Международное сообщество писательских Союзов» сердечно поздравляет Вас с замечательным юбилеем — 75-летием со дня рождения!

Как поэт, прозаик, переводчик, Вы очень много сделали и продолжаете делать для того, чтобы русское слово, так красиво и высокопрофессионально переведённое Вами на грузинский язык, ярко звучало в Грузии. Мы ценим это! Дальнейшего процветания Вашему замечательному журналу «Гантиади» на благо наших литератур!

Желаем крепкого здоровья, вдохновения, удачи и новых творческих успехов!

Председатель МСПС
Иван ПЕРЕВЕРЗИН

В Китае ждут русские книги

Международное сообщество писательских союзов посетил наш китайский друг — замечательный писатель, поэт, член Союза переводчиков Китая и лауреат переводческой премии имени Гэ Баоцюаня — Сунь Юэ. Гостя принял председатель МСПС Иван Переверзин.

В ходе беседы Сунь Юэ проинформировал руководство МСПС о реализации совместной программы по изданию произведений русских авторов на китайском языке. В настоящее время в Китае завершается перевод романа Ивана Перевезина «На ленских берегах», а также ряд романов и повестей

Виктора Потанина, Петра Краснова и Михаила Щукина. В начале осени их презентация состоится в Москве.

Стороны обсудили вопросы дальнейшего сотрудничества по популяризации произведений российских авторов в КНР и китайских писателей — в России. Достигнута договорённость о совместном выпуске на китайском языке интернет-издания, посвящённого современной российской литературе.

В беседе принял участие заместитель председателя МСПС Владимир Середин.

Соб.инф.

С днём рождения!

«От радости до мук, от слёз до поцелуя, всему, что есть вокруг, воскликнуть: "Аллилуйя!"», — желаем автору этих замечательных слов, поэтессе Людмиле ЩИПАХИНОЙ в юбилейные для неё дни

Людмила Васильевна родилась в Екатеринбурге, окончила Литературный институт. Автор более 30 книг стихов и полутора десятка книг переводов с языков бывших народов СССР. Людмила Щипахина входит в Московскую городскую организацию СП России, исполком Международного сообщества писательских союзов, Высший творческий совет СП России и Наблюдательный совет МГО СП России. Она секретарь правления Международной ассоциации писателей-баталистов и маринистов. Лауреат литературной премии имени Константина Симонова. Награждена орденами

«Дружба народов» и «Знак почёта». Публика давно полюбила песни на стихи Людмилы Щипахиной, музыку к которым писали Людмила Лядова, Вадим Орловецкий, Эдуард Колмановский.

Интересный факт из биографии писательницы: когда училась в Литинституте, то работала на судах дальнего плавания «Архангельск» и «Маршал Говоров», — как сама говорит, хотелось

познать мир, чтобы познать жизнь. Чудом спаслась во время известной аварии на крейсере «Адмирал Синявин». Бесстрашие приводило её в горячие точки планеты во время боевых действий: в Никарагуа, Афганистан и другие, куда она отправлялась в составе делегаций Союза писателей СССР. Людмила Васильевна без переводчика общалась на Кубе с Фиделем Кастро, в Аргентине — с Лолитой Торрес. Пришлось ей побывать и во Вьетнаме — когда там наступил мир. Правда, ещё не всё было разминировано...

Людмила Щипахина — автор русского перевода гимна Туркмении. 15 лет вела на Первом канале программу «Москвичка». После перестройки проводила Ассамблеи деятелей культуры и представителей общественности.

Уважаемая Людмила Васильевна! Оставайтесь всегда в строю! Пусть желание познать мир и вдохновение вас никогда не покидают! Будьте счастливы и радуйте нас своими новыми произведениями!

ОЛГ

Памяти Бориса Олейника

Год назад, 30 апреля, ушёл из жизни наш добрый друг Борис Олейник. В 2014-м по инициативе Международного сообщества писательских союзов была издана книга народного писателя Украины, а стихотворение «Кто же нас послал...» в переводе Станислава Куняева, напечатанное в ОЛГ в 2015 году, стало одним из его последних публикаций на русском языке...

Борис Олейник

Кто же нас послал...

В отчий край, от солнца золотыми,
По весне вернулись журавли.
Но для парня, что убит своими,
Журавли весны не принесли.

Дни и ночи мёртвые глазницы
Устремляет с болью в небо он.
И, как волки, зыркают в бойницы
Украинцы злобно с двух сторон.

За кого в растерзанной державе
Мы должны, как он, лежать в гробу?
Присмотритесь, кто же нами правит,
Кто сидит на нашем же гробу?!

Да, они чужие нам по слову,
И по вере не родные нам!
Так зачем служить им безголово,
Как рабы-холопы господам?

В судный час в чужие палестины
Улетят прохвосты и лжецы,
Мы ж, на пепелище Украины,
Будем вопрошать, горбаты спины:
Кто же нас послал под хвост овцы?

Цветаева... Снова у моря

Этот праздник феодосийские писатели провели в выставочном зале музея Александра Грина, презентовав новый номер журнала «Литературная Феодосия»

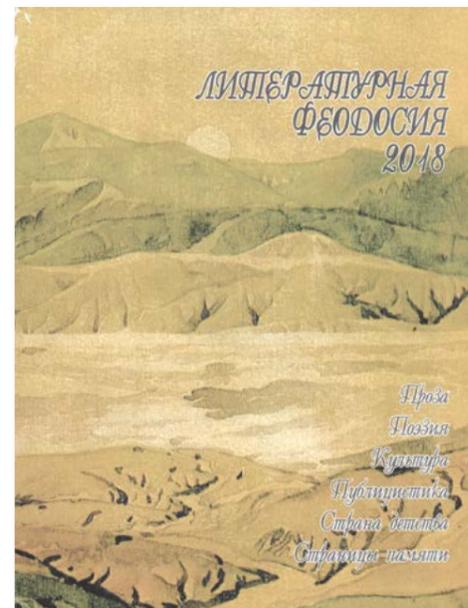
Очередной выпуск журнала Союза русских писателей Восточного Крыма посвящён 125-летию со дня рождения великой русской поэтессы Марины Цветаевой. Её творчество особенно близко феодосийцам, ведь столько замечательных строк она посвятила любимому Коктебелю, тихой и уютной Феодосии, где недолго жила с сестрой Анастасией, где встретила свою первую любовь — Сергея Эфрона, где стойко перенесла трагические дни начала Гражданской войны.

«Но душу бог мне иную дал: морская она, морская!» — писала о себе Марина и навсегда сберегла в душе образ загадочного Коктебеля, счастливые дни жизни, проведённые в доме Максимилиана Волошина, подержавшего её первые поэтические опыты.

В журнале опубликованы стихи, посвящённые Марине Цветаевой, небольшое эссе о «трудном» стихотворении поэта, заметки о проведении «Цветаевских дней» в феодосийских городских библиотеках, стихи Цветаевой, поэтов прошлых лет и современников — всего 53 автора из разных городов России и Крыма. Украсили журнал поэтические подборки современных русских и украинских поэтов, а в новом

разделе «Детские страницы» читатели встретятся с крымскими писателями. Показать лучшие произведения литераторов Восточного Крыма, талантливого круга их друзей — с этой задачей редакция справилась.

Наталья ИЩЕНКО

Крепость поэзии

Окончание. Начало на стр.1

Об этом говорил и ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им.А.Горького Вячеслав Бигуа, который рассказал, что более полувека назад Дмитрий Гулиа вместе с Константином Симоновым нашли лучших поэтов для переводов с абхазского: Маршака, Державина, Межирова, Светлова и других. А теперь подобное произошло с новым изданием. Рассказывал, как в непростые 90-е годы, в годы военного конфликта с Грузией, абхазов поддерживал председатель МСПС Сергей Михалков: «Ему не нужно было объяснять дважды. Он всё понимал и всегда шёл навстречу». А теперь это делает Иван Переверзин. Вячеслав Бигуа, кстати, написал для «Сухумской крепости» вступительную статью,

где подчеркнул, что национальная литература того времени была гораздо богаче и разнообразнее, чем её пытаются представить некоторые современные литературоведы. А теперь свободная от цензуры поэзия продолжает лучшие литературные традиции минувших десятилетий.

На вечере были зачитано приветствие великолепно-го переводчика, главного

ему он понял, почему абхазы выстояли в войне с Грузией, и открыл для себя особый абхазский взгляд на обычные, казалось бы, явления.

На вечере присутствовала советник посольства Республики Абхазия в РФ Татьяна Гулиа — внучка основоположника абхазской литературы Дмитрия Гулиа. От Министерства культуры Абхазии и благодарного абхазского народа она вручила Почётные грамоты председателю МСПС Ивану Переверзину, его заместителю Юрию Коноплянникову, при непосредственном участии которого вышел сборник «Сухумская крепость», руководителю Московской писательской организации Владимиру

Бояринову и Московской областной — Лью Котюкову, президенту Академии русской словесности Григорию Осипову и главному редактору ОЛГ Владимиру Фёдорову.

Абхазские писатели тоже без наград не остались — от имени председателя МСПС Ивана Переверзина их вручил Владимир Середин. Награждая героев дня почётными грамотами своей организации, Григорий Осипов заявил, что понял необходимость создать в Абхазии отделение Академии.

Не могу не отметить яркие выступления известного алтайского писателя Бронтоя Бедюрова и сопредседателя Союза писателей России Ларисы Барановой-Гонченко, которая оценила в «Сухумской крепости» «силу талантов наших поэтов» и вообще увидела в книге непревзойдённое сочетание поэтов и переводчиков. Работу Станислава

редактора «Нашего современника» Станислава Куняева своему абхазскому другу Мушни Ласурии, а ведущий вечера Юрий Коноплянников продемонстрировал творчество Ласурии, прочтя стихотворение «Горы Абхазии» в переводе Куняева.

Профессор Пётр Калинин назвал сборник абхазской поэзии во многом уникальным. Благодаря

Куняева она назвала просто образцом филигранности.

Добавим, что интерес к презентации книги проявили и другие российские писатели, а также общественные деятели, студенты, представители абхазского посольства, абхазской диаспоры, искусства и культуры.

ОЛГ

Славянская поэзия и народная дипломатия

В знаменательные дни 140-летия окончания русско-турецкой войны, положившей начало воссозданию Болгарского государства, в Московской библиотеке искусств им. А. П. Боголюбова состоялся литературно-музыкальный вечер «Славянский венок»

Поэты Болгарии и России давно поняли необходимость объединения усилий для того, чтобы своим словом призывать людей к духовному братству. Особенно ярко об этом заявила выдающаяся болгарская поэтесса Елка Няголова, призвавшая собратьев славянских стран собираться в Варне на фестиваль «Славянское объятие», и каждый раз, когда славяне празднуют день великих просветителей — святых братьев Кирилла и Мефодия, поэты двух десятков стран собираются вместе, становясь мощным духовным фактором.

На вечере «Славянский венок» в Москве прозвучали стихи, песни и поэтические переводы произведений видных литераторов современной Болгарии, Сербии и Хорватии, которые осуществила Людмила Снитенко. В вечере приняли участие лауреат Государственной премии РФ Валентин Сорокин и российские литераторы Г.Осипов, В.Фёдоров, Б.Рябухин, В.Кузнецов, В.Латынин, Г.Дубинина, Л.Сычёва, А.Спиридонова, Н.Попова, Л.Агадулина, И.Мухин, Н.Пушкарева, Н. Родионова, доктор исторических наук Л.Соколова-Сербская.

Музыкальным камертоном встречи стали песни, музыку к которым написал и исполнил лауреат международной премии композитор В.Трофимов-Медногорский. Гостей приветствовали детский коллектив Центра эстетики и красоты «Катюша» под руководством заслуженного деятеля искусств РФ З.Цахиловой и учащиеся школы № 1220 Московского кадетского корпуса Героев космоса, которым руководит гвардии полковник В.Курашенко.

На вечере было представлено несколько сборников стихов славянских авторов, переведённых на русский язык: «Ангел в пещере» Елки Няголовой, «Генезис мечты» сербского поэта Ристо Василевски, «Дорога любви на просторах Вселенной» хорватской поэтессы Енерики Биач, «Сон и сновидения» поэта Предрага Белошевича из Сербской Республики, — с их творчеством российский читатель знаком благодаря переводам Снитенко. В мае этого года выйдет сборник современного болгарского поэта Ивайло Балабанова в переводе Ва-

лерия Латынина, стихи которого в исполнении переводчика украсили вечер.

Главный редактор ОЛГ Владимир Фёдоров рассказал о своей книге «Такова судьба гусарская», переведённой на болгарский язык. Руководитель Клуба писателей-выпускников Литинститута Галина Дубинина, составитель сборника переводов стихов болгарских поэтов, окончивших этот вуз, рассказала об авторах книги. Поэт, переводчик и публицист Борис Рябухин прочитал переводы стихов Георги Ковачева, а поэтесса Нина Попова и Лилия Агадулина — свои переложения стихов Елки Няголовой.

На вечере вспомнили известную поэтессу, публициста и общественного деятеля Лилянну Стефанову, которая ещё в 1954 году окончила Литинститут. Слова благодарности прозвучали в адрес замечательной болгарской поэтессы и переводчицы Нади Поповой. Не забыли о легенде современной болгарской литературы, действительном члене Европейской академии искусства Любомира Левчеве, удостоенного почётного звания

«Рыцарь поэзии». Поклонились памяти Николая Петева, который для многих остался духовным литературным наставником.

Перевод стихов — особенное сотворчество. На эту тему размышлял поэт-переводчик, академик Болгарской академии наук и искусств Вячеслав Кузнецов, возглавляющий литобъединение «Ладога» в подмосковной Лобне, тесно сотрудничающее с литературным сообществом болгарского города Плевена.

Шеф-редактор интернет-сайтов Антонина Спиридонова и издатель альманаха «Москва поэтическая» Наталия Родионова в выступлениях подчеркнули, что своей творческой энергией литераторы способны объединить людей и превратить эти объединения в мощную силу, способную защитить наш хрупкий мир.

Анатолий ЩЕЛКУНОВ,
генеральный консул РФ в Болгарии
2005-2009 годов, писатель,
почётный гражданин города Варны

Не могу молчать

Отклики российских писателей на статью Станислава Куняева «Съезд победителей»

Раскол начинается сверху

Диана КАН (Оренбург):

Я нынешнему и прошлому руководству ничем не обязана, премиями не областана, все награды помимо СПР шли, гранты-издания тоже, дач в Переделкино не имею — так что терять нечего, кроме цепей, и отнюдь не золотых.

А вот с Куняевым ситуация меня тревожит, ибо если так к авторитетам будут относиться, то что от СПР останется? Куняев — это журнал «Наш современник», во многом благодаря сотрудничеству с которым я и стала известна в России. Причём, помогая «Наш современник» именно тогда, когда меня ещё особо нигде не печатали, в самом начале пути, трудного-кровавого. «Наш современник» в лице сначала Юрия Кузнецова, а потом и Станислава Куняева меня поддержал. И такое не забывается.

Коллеги из других регионов, узнав про моё намерение, названивали ещё вчера, мол, опомнись и прочее...

Но я хочу сказать: то, что изложено в статье Куняева, об этом давно уже знают и думают многие писатели России! И поверьте, они были в теме ещё тогда, когда сия болезнь была в скрытой форме.

Сейчас же она обрела клинические формы и вылезла наружу. Хотя вот цифра в 80 млн, — об этом я не знала, это для меня стало открытием. А об остальном Куняев ещё на прошлом съезде СПР в Калуге сказал, предупредив таким образом тогдашнее руководство союза. Но оно, как видим, выводов не сделало, а если и сделало, то в плане зачистки тех, кто имеет несчастье быть писателем, а не членом. И иметь своё мнение, отличное от того, которое имеет аппарат СПР, приведший творческий союз фактически на грань краха и распада.

Так что решение моё вовсе не спонтанное, оно уже лет пять минимум зрело, но я как-то надеялась, что болезнь сама собой рассосётся...

Теперь-то понятно, что не рассосётся, что идёт просто зачистка писателей членами. И чем именитее автор, тем более он не формат для нынешнего руководства.

И тут дело даже не столько в Оренбурге, меня удручает, что примерно такая или близкая к таковой ситуация во многих регионах России, ибо я общаюсь с уважаемыми нашими коллегами далеко за пределами Оренбурга. Если бы только мой регион был одним таким вот единственным исключением, что тут случился раскол, это ещё можно было бы уладить-потерпеть. Но тенденция общероссийская и идущая, увы, с головы, откуда рыба и гниёт.

Такое моё мнение.

Никому его не навязываю, но считаю долгом озвучить во избежание того, что будут попытки пересказать его за меня, как водится, с передёргиванием фактов. Лучше сама за себя скажу.

Горько было это видеть...

Валерий СДОБНЯКОВ (Нижний Новгород):

Я был на прошедшем писательском съезде, слышал и выступление Станислава Куняева. И вот всё никак не могу освободиться от чувства разочарования в поведении некоторых наших писателей (а их числом не так уж и мало). Ну, как можно было ограничивать в выступлениях, высказываниях Станислава Юрьевича? Писатель, столько сделавший в русской литературе и для русской литературы, для патриотического движения. Одно служе-

ние в «Нашем современнике» чего стоит: добывает деньги, на них издаёт журнал, где публикует произведения русских писателей, тем самым не давая затухнуть голосу литературы на всём пространстве необъятной страны. Благодаря его стараниям в самых дальних уголках, в сельских библиотеках люди имеют возможность прочитать тексты тех самых писателей, которые сейчас не пожелали редактора даже выслушать. Неужели им было непонятно, что Куняев (к тому же он и возраста почтенного) имеет право высказывать, излагать свою точку зрения столько времени и столько раз, сколько посчитает нужным. Он заслужил это своим творчеством, подвижничеством, большим административно-политическим опытом.

Нет — закрикивают, затоптывают. И ведь многие авторы «НС» были в зале! Удивительно: ни доводов чужих, ни чу-

По мне, так съезд действительно судьбоносный. Вбили последний гвоздь в крышку гроба того рыхлого, размытого общественного формирования, которое ещё по привычке ассоциируется у кого-то с писателями. Не с безымянными «членами», составляющими подавляющее большинство нынешнего союза, а с теми писателями, книги которых действительно читают, которых знают и любят, к которым прислушиваются. И которые у этого съездского большинства не в чести.

Победила серая масса, не захотевшая ничего менять, и теперь она по-прежнему продолжит гордиться своим поповским патриотизмом, привычной нищетой, отсутствием средств на издание книг и журналов, равнодушием СМИ, а, главное, массового читателя.

Не будут — и это сейчас очевидно — решены такие насущные проблемы пи-

Например, от Оренбуржья делегатами съезда были избраны Кильдяшов и Ерпылёв. Литераторы откровенно слабые, никакие. И такими же, как они, составляющими в регионе численное большинство, избранные. Членство в союзе для них давно стало важнее творчества. Тем «писателям», что составляют большинство в творческом союзе (сужу, в том числе, и по нашей Оренбургской области), решение самой важной проблемы (с профессиональным статусом, например) и не нужно. Потому что к нему потребуются непременно приложить произведения, книги. А их нет. Есть только членство, полученное после публикации в городской или районной газете нескольких стихов, рассказов, одна-две книжки, изданные на выпрошенные у спонсоров деньги.

Уверен, что абсолютное большинство читающих россиян не знают такого писа-

Размышления о съезде

О том, что изложено в статье Куняева, давно уже знают и думают многие писатели России...

жого мнения они не только не привыкли воспринимать, но и нет терпения их просто выслушать.

Горько всё это было видеть. Кроется за этим какая-то глубинная неблагодарность, несправедливость. Впрочем, такая ли уж эта новость для нашего литературного сообщества?

Барабанный бой и звон литавр

Александр ФИЛИППОВ (Оренбург):

Внимательно прочёл всё, что появилось в интернете о недавно завершившемся в Москве XV съезде Союза писателей России. Общее впечатление — барабанный бой, звон литавр. Определения: «Съезд — исторический! Судьбоносный!» Делегаты победили коварных интриганов, прежде всего в лице советника президента России Владимира Толстого (да-да, правнука того самого!), прозаика, депутата Госдумы Сергея Шаргунова и старейших российских писателей Станислава Куняева и Александра Проханова!

сательского сообщества, как законодательное признание профессионального статуса писателя, учёта его трудового стажа с соответствующими мерами пенсионного обеспечения и социальной защиты, государственной поддержки книгоиздания и «толстых» литературных журналов.

Очевидно, потому что такие вопросы невозможно решать без сотрудничества с законодательной и исполнительной властью. Власть эта на съезде протянула руку писателям. Которую они не просто оттолкнули, но ещё и укусили.

Впрочем, всё произошедшее на съезде вполне закономерно. Знающие люди подметили: такой расклад голосов на писательском форуме сложился благодаря тому, что в числе большинства делегатов оказались региональные литначальники, сами, как правило, лишённые божьей искры.

Я уже не раз (да и не только я!) писал о том, что в региональных писательских организациях основную массу составляет литературная серость, которая выбирает себе таких же руководителей.

теля Николая Иванова. В лучшем случае спутают его с советским прозаиком Анатолием Ивановым, автором экранизированных романов «Вечный зов» и «Тени исчезают в полдень», которые до сих пор пользуются успехом у телезрителей. А между тем, Николай Иванов не просто писатель. Он, можно сказать, теперь главный писатель для весомой доли тружеников пера.

И вот вскоре после своего избрания Иванов вдруг нагрел в Оренбург. Похоже, для того чтобы поддержать кандидатуру многократного и неизменного лауреата малопочётной поэтической премии за самые нелепые стихотворные строки «Оренбургская галоша» Ивана Ерпылёва, которого в этот день избирали себе в вожак члены областной писательской организации СПР.

Иван Ерпылёв — личность вообще для нынешнего писательского сообщества знаковая. Абсолютно бездарный поэт, он известен многочисленными судебными разбирательствами с теми, кто нелестно отзывался о его творчестве.

Такие вот нынче у нас «поэты».

Протяните Куняеву руку!

Елена ИВАНОВА (Ставрополь):

Недавно состоялся XV съезд Союза писателей России, на котором был избран новый председатель правления — Николай Иванов. Предвыборная атмосфера, судя по сообщениям в прессе, накалилась до предела из-за того, что изначально на этот пост решил было баллотироваться Станислав Куняев. И что тут началось!

Даже мне, человеку, в общем-то, стороннему в этом деле, становилось не по себе от того, как заинтересованные лица принялись дружно со всех сторон прессовать уважаемого писателя. В ход пошли и невыгодные сведения о здоровье (слаб зрением), и возрастной ценз (стар стал), и доносы соглядатаев, якобы часто отсутствует на работе. Как будто бы главный редактор должен нести функции администратора на ресепшн и ни на минуту не отлучаться от своей стойки. «Оппоненты» договорились до того, что-де «он с сыночком» чуть ли не путём рейдерского захвата завладел журналом «Наш современник». Как будто «сыночка» Куняев-старший выгнал из какого-то провального бизнеса и пристроил возле себя, только чтобы не бедствовал он без живой копейки.

Позвольте, но ведь Сергей Куняев — состоявшийся критик и литературовед. И это великое счастье для отца — воспитать себе, говоря словами Пушкина, «товарища трудов», чтобы вместе дружно тянуть свой плут на бескрайней ниве отечественной словесности. Тут надо бы по-хорошему, светло завидовать и радоваться, что такое редкое исключение бывает в нашей жизни, где со времён Тургенева отцы и дети всё никак не слаживаются идти в одной борозде. Но нет! Радости «оппонентов» мы не увидели, зато явственно услышали зубовное клацанье.

Зная путь Станислава Юрьевича в литературе, его мужественные поступки в сражениях за Русский мир, прямоту и принципиальность его критических оценок, нетрудно предположить, что он нажил себе как немало врагов, так и заклятых друзей. Даже Владимир Личутин не поостенялся как-то публично бросить свой камень в того, с кем его ещё недавно связывала тесная личная и творческая дружба. А суть разлада, думается, была лишь в том, о чём писал ещё Генрих Гейне: «Но если моих не похвалишь стихов, — запомни: развод неминуем». В случае с Личутиным, видимо, Станислав Юрьевич позолил себе неосторожность не похвалить роман писателя, который мучительно долго рождался на свет и принёс немало тревог редакции журнала: она взялась на свою голову его публиковать, когда автор был ещё в родовых потугах.

Колодце и дурно пахнущие ошметки надуманных обвинений, свалившиеся на голову Станислава Юрьевича, можно было бы ему отгрести в сторону одним волевым решением: «Наплевать и забыть». И продолжать спокойно работать дальше. Но похоже, в том-то всё и дело, что угроза нависла над самим детищем Куняева, которое он растит и лелеет вот уже три десятка лет на посту главного редактора. Нельзя не поражаться тому, как ему удавалось до сих пор сохранить журнал в условиях полного отсутствия государственной финансовой поддержки.

Прекрасный девиз — делать литературу чистыми руками! Однако — как? Можно, конечно, и верблюду выгнаться в ниточку и пролезть в игольное ушко, но только выпростается он из этого трагически узкого промежутка уплощённым, похожим на рептилию, а не на самого себя, каким изваяла его природа. И все ахнут: «Вот гад!»

И разве не заахали? В прессе появились разоблачительные сообщения о каких-то нечистоплотных делах «тандема Куняева — Переверзина», которыми ныне якобы занимается Следственный комитет. Но ведь вердикт-то ещё не вынесен, а уже заключение готово: виновны! Одно это уже свидетельствует о тенденциозности поборников «истины». Нам публично говорят: Переверзин положил большую зарплату Куняеву. Но спросите-ка, сколько

получает псевдоакадемик, стяжавший своё высокое научное звание за липовую диссертацию и хорошую мзду? Уверена, его ежемесячный оклад не меньше ста тысяч рублей. Почему же у человека, прожившего всю большую жизнь без остатка, весь свой талант, все силы ума и души на любимое дело и так много сделавшего для литературы, для общества, для страны в целом, не должно быть хотя бы кратковременного материального благополучия? К тому же у него семья, близкие, возможно, не очень-то устроенные, нуждающиеся в помощи... Если, конечно, следовать логике булгаковского Шарикова, чтобы солидность социальную справедливость, надо только «взять всё и поделить». Но и при этом условии останется открытым вопрос: как, на какие шиши содержать журнал? Уверена, со своим несостоявшимся председателем Станислав Юрьевич связывал положительное решение этой болезненной проблемы. И что теперь?..

«А тебе-то что за дело?» — могут спросить меня. Попробую разъяснить.

Когда-то Ломоносов произнёс пророческие слова: «Могущество России будет прирастать Сибирью». Уместно провести параллель: точно так же и богатство отечественной художественной литературы всегда прирастало, прирастает и будет прирастать за счёт тех творческих сил, которые, подобно корню женьшеня, зреют в глубинах пространств нашей великой матушки-России. Если, конечно, для этого будут созданы соответствующие условия. Одно из них заключается в том, что писателю, живущему и работающему на периферии, вдалеке от столицы, нег много выхода из безвестности кроме как путём публикаций в столичных журналах. Не перечислить всех имён прозаиков и поэтов, которых «вывел в люди» «Наш современник» за те десятилетия, когда у его штурвала стоял и стоит поныне, к нашему счастью, этот великий труженик — Станислав Куняев. Его журнал — единственная надежда периферийного писателя обозначиться в литературе.

Попробуйте-ка предложить для публикации своё произведение какому-либо другому периодическому изданию. В первую очередь вы наткнётесь на такое вот предупреждение: «Редакция в переписку с авторами не вступает, рукописи не возвращаются». А если это и не напечатано в журнале, то сам принцип действует на деле: ответом на ваше обращение будет глухое молчание. При таком подходе хоть новый гений появись — никто его не заметит. Между тем «Наш современник» взял за основу в своей работе принципиально иной характер взаимоотношений с авторами и читателями. Вот что значит на обороте титульного листа журнала: «Редакция внимательно знакомится с письмами читателей и регулярно публикует лучшие, наиболее интересные из них в обширных подборках не реже двух раз в год. Каждая рукопись внимательно рассматривается...» И это, поверьте, не обманчивая самореклама. Рубрики «Слово читателя», «Письма читателей» регулярно появляются на страницах журнала. Благодаря такой тесной связи с читателями, братскому отношению к авторам, журнал не только держит руку на пульсе времени, но и стимулирует писателя в его творческом росте.

Я знаю, как дорожат мои собратья по перу уже самым фактом публикации в «Нашем современнике». Каждая из них, даже незначительная по объёму, расценивается как творческая удача автора. И равносильно признанию — войти в число постоянных авторов журнала, восприимчива традиций «Современника» Пушкина и Некрасова. А знаете почему? Потому что у этого журнала читатель, о котором мечтал ещё Салтыков-Щедрин в своих «Пёстрых письмах». Тот, который не «шмыгнёт в подворотню, когда для писателя наступит трудная минута», потому что он соавтор-сопереживатель, сподвижник писателя, всегда готовый вступить с ним в диалог и разделить его радости, волнения и тревоги. Как садовник растит прекрасную розу, так и «Наш современник» годами, десятилетиями ведёт системную кро-

потливую работу, отыскивая и ведя затем за собой своего друга-читателя. Есть такие подписчики, которые признаются, что хранят в домашней библиотеке все книжки журнала за многие годы его выхода в свет. Это вам, друзья, не сетевое издание, которое каждый раз разочаровывает тебя своей эфемерностью: выключил гаджет — и всё исчезло, как не бывало. Такому призрачному явлению не скажешь по-пушкински на пороге вечности: «Прощайте, книги, друзья мои». Мираж, да и только! И тебе, провинциальному писателю, одичавшему от трагического одиночества, хочется крикнуть в поисках вымечтанного читателя, наподобие есенинского Хлопуши, жаждущего увидеть Пугачёва: «Проведите, проведите меня к нему! Я хочу видеть этого человека!»

Вот почему, не будучи собирательницей автографов, я храню как дорогие сердцу реликвии книги Станислава Куняева — с его надписями и без них, ответы на обращения, написанные не бесстрашной холодной машиной, но тёплой человеческой рукой. Они желанны даже вот такие, казалось бы, малоприятные для авторского самолюбия: «Стихи Ваши прочитал... Очень они уж "расхристанные"...» Скажите, какой ещё главред станет перебирать вирши безвестного автора, формируя из них подборку, органичную по мелодике, движению мысли? Только он, наш дорогой и уважаемый Станислав Юрьевич! Одновременно вспылчивый, непокладистый, даже деспотичный и — отходчивый, великодушный, как всякий истинно русский человек. Главное — неравнодушный. Ему и поперечить, если что, можно в том же духе: поймёт, простит, не припомнит. И отбирает он для печати стихи такие, что с удивлением заключишь: под кольчугой патриота и воина в «Нашем современнике» бьётся исполненное тонких лирических чувств сердце витязя в тигровой шкуре. Это, разумеется, сердце его главного редактора.

Разговор я веду к тому, что без «Нашего современника» будет плохо не только нам, провинциальным писателям, но и всей современной литературе. Она лишится притока новых талантов, открывать которые есть особый дар таких редких личностей, каковой является Станислав Юрьевич Куняев — прозаик, поэт, публицист, критик, литературовед, мыслитель и общественный деятель, Человек и Гражданин — по-настоящему наше национальное достояние, каковое мы, к сожалению, не бережём.

Вместо того чтобы выискивать пятна на солнце, кричать в панике о том, что-де Куняев решил захватить какие-то там апартаменты на Комсомольском проспекте, будет гораздо лучше для всех, для литературного дела в целом, если правление под председательством Николая Фёдоровича Иванова задумается, как помочь решить насущные проблемы «Нашему современнику», среди учредителей которого первым числится Союз писателей России. Помочь, дабы сотрудники редакции не мёрзли в неотапливаемых помещениях в зимние холода, не делили между собой последние гроши из пустой кассы журнала, не думали о том, чем и как они будут пробавляться со своими семьями. А оставались бы их многотрудные головы заняты только творческими проблемами. Вот это было бы истинно по-христиански, по-братски, по-писательски соборно, а не по-обыкательски мерзко, жестоко и эгоистично.

Читателям же и авторам журнала я хочу сказать вот что. У каждого из нас есть возможность уже сейчас, не дожидаясь клича о помощи, оказать посильную поддержку журналу. Для этого достаточно только подписаться на него. Лично я это уже сделала.

А самому главному редактору, который недавно переступил 85-летний рубеж, хочу пожелать последовать примеру учёного-медика, академика Фёдора Углова, успешно осуществившего сложную операцию в свой 100-летний юбилей. Вот на этой же возрастной отметке пусть и он, Станислав Юрьевич, мудрый и многоопытный старейшина литературного сообщества писателей России, подпишет в печать юбилейный для него номер «Нашего современника». Да будет так!

Раньше оружием писателя в литературной полемике была острая эпиграмма, памфлет, пародия. Дуэль, в конце концов! А нынешние строчат кляузы и бегут в суд...

Иванов, конечно же, был прекрасно осведомлён, что из областной писательской организации, не стовариваясь, вышли 15 (!) членов Союза писателей России, причём самых именитых, активно работающих в литературе. Почему? А потому, что сочли для себя невозможным дальнейшее пребывание в этой закостенелой, нетворческой обстановке.

Иванов же, прибыв в Оренбург уже в должности председателя правления, даже не попытался разобраться в конфликте, а сразу встал на сторону литературного пустоцвета Ерпылёва и его литературной компании.

Это говорит о непрофессионализме Иванова как руководителя большого и сложного писательского союза. Решать серьёзные вопросы сгоряча, кавалерийским наскоком — его стиль, который отныне он будет насаждать.

А его слова о том, что писатель должен «уметь петь хором», вовсе не оговорка, а продуманная позиция. Хорошо, что Иванова за это уже многократно высмеяли... Представьте себе, чтобы Шолохов, Распутин, Шукшин, Трифонов да и многие другие великие мастера взяли да и согласились «петь хором»?

Вполне возможно, что далёкий от околелитературных дрызг читатель скажет: ну и что? Какое отношение я, любитель литературы, имею ко всему этому?

Да самое прямое! Потому что литературная серость не просто так рвётся к административным креслам в творческих союзах. Не имея возможности привлечь внимание читателя своими произведениями по причине отсутствия таланта, они, заняв руководящие посты, используя, так сказать, административный ресурс, начинают навязывать их окружающим. А читатель в результате таких манипуляций вместо настоящей литературы получает мало профессиональные поделки, эрзац.

Грустно.

Я вступал в Союз писателей России, с гордостью чувствуя себя причастным к сообществу Валентина Распутина, Василия Белова. В областной организации меня принимали в свои ряды Пётр Краснов и Николай Корсунов. А оказался в итоге в компании неких ивановых, кильдяшовых и ерпылёвых.

Очевидно, что случившееся в Оренбургской областной общественной писательской организации не случайно и распространяется всё больше. Снижение профессиональной планки приёма новых членов в писательское сообщество привело к тому, что в его рядах оказалось немало людей случайных, для которых литература не является делом всей жизни, а в лучшем случае — неким увлечением, времяпрепровождением, изысканным хобби. Порочная практика приёма в СПР едва ли не каждого «подающего надежды» стала причиной появления в организации огромного процента тех, кто надежд этих с течением времени так и не оправдал. Зато с годами их количество переросло в качество.

Литературная серость, имеющая подавляющее большинство голосов, выбирает в руководители себе подобных. Что мы и наблюдали воочию на XV съезде.

Так что негодование ряда делегатов выступлением Станислава Куняева, переходящее порой в ненависть, — это не их заблуждение, а симптом глубокого падения нравов нашего литературного общества. Подтверждением этому является и то, что многие из ныне поносящих Станислава Куняева, с гордостью указывают в своей творческой биографии факт публикации произведений в журнале «Наш современник».

Очевидно, что талантливые писатели, здоровое ядро СПР пребывают сейчас в некоторой растерянности, в стадии осмысления того, как вследствие технических манипуляций аппаратчики захватили власть в писательском союзе.

Отдавать им на откуп союз нельзя.

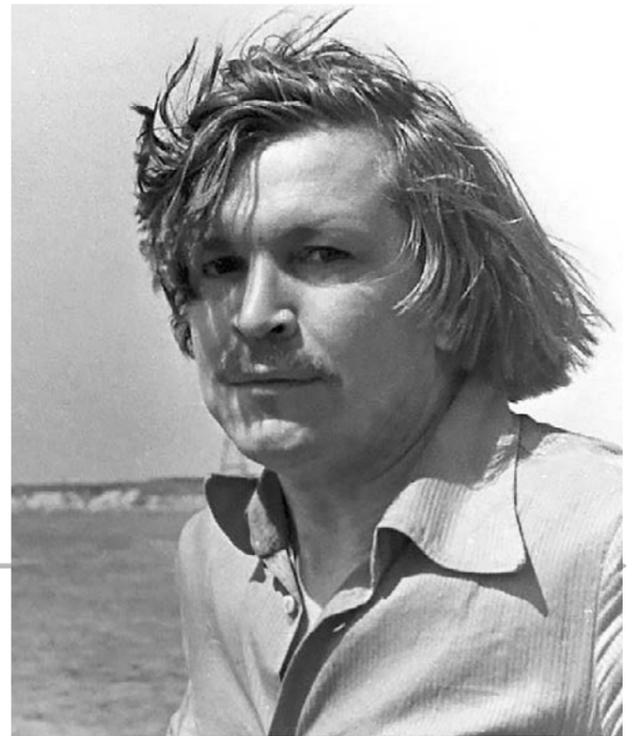
Нужно продолжать борьбу за его сохранение и обновление.

20 марта 2018 года Валентину УСТИНОВУ исполнилось бы 80 лет. Поэт родился под Ленинградом и практически сразу попал в детский дом: отца репрессировали, мать умерла. Валентин Алексеевич прошёл сложный путь, учился в ремесленном училище, работал на Балтийском судостроительном заводе, служил в армии...

Литературная жизнь поэта началась в 1965 году, когда Устинов стал собкором «Правды Севера» и его стихи появились на страницах многотиражек «Патриот Севера» и «Балтиец». Первая большая подборка вышла два года спустя в журнале «Звезда», а дебютный сборник «Зелёная песня» — ещё через год.

В 1977 году Устинов переехал в Москву. Работал заместителем главного редактора журнала «Наш современник», затем секретарём Московской писательской организации и, наконец, возглавил издательство «Московский писатель». В 1998-м он основал международную Академию поэзии и одноименный альманах, объединивший лучших современных поэтов России.

Валентин Устинов — автор более 20 книг стихов и прозы, лауреат многих литературных премий, награждён орденом Дружбы за заслуги в развитии отечественной культуры и искусства.

Валентин УСТИНОВ

На околице рая

Метельный храм

Храм — воздвигаемый белою бездной
зимней метели, скрипучей, железной —
что ты вращаешься вихрем в ночи?
Что ты бредёшь по равнинной трясине?
Или молитву несёшь по России?
Или, отчаявшись, хрипло кричишь?

Вот окружил меня белой стеною.
Был бы я рад подойти к аналою —
свечку затеплить, молитву сложить.
Пусто. Лишь слёзы на веках густели
то ли от вздохов прощальной метели,
то ли от счастья, что надобно жить.

Русское поле, давно мог понять я:
жизнь — испытание, но — не распятые.
Вот и сегодня: и темень, и снег.
Но почему, когда вьюга восстала
храмом из поля — душа заблистала?
Божий огрех? Или божий успех?

Сколько я помню — иду через поле:
в боли телесной, в провидческой боли.
Надо бы плакать, а хочется жить.
Нету для смертного в радости срама.
Нету для вечного в напасти драмы.
Лишь очищенье и подвиг души.

Что ж, поклонюсь я метельному богу.
Стены раздвину — и двинусь в дорогу.
Темень, конечно, — ни изб, ни огня.
Вихри вокруг — словно свечи витые.
Но разогну с облегчением вью.
Господи Боже, порадуя меня.

Сотворение

Просторное серо-синее
поле времён лежит.
И уголья красного инея
раскиданных звёзд свежи.

Я выплыл из смертной дали
в живущую вечно даль.
Пути любви и печали
закручивались в спираль.

И в лоне провидческой воли
я жил всемогуще — но
был, словно это поле,
безмерен и одинок.

Тогда — простирая в полёте
себя в творящий овал —
я крохотный светоч плоти
верой из звёзд созвал.

Воля души мириады
светящихся волн света
начала в сиянье взгляда.
Сияньем в глазах жила.

Потом, как будто из пены,
возникло лицо — и вдруг
трепетно и степенно
качнулись берёзки рук.

Как два лебединых подарка,
две груди вспорхнули. В лог
животик потёк. И аркой —
округло, овально, жарко —
замкнулись две стелы ног.

Она проявлялась — словно
играл теслом солнцёбой.
И вот расцвела — объёмной,
нагаданной и живой.

Когда подошла и рядом
легла в молодой туман,
то атом простёрся в атом
и правдою стал обман.

Как будто любви идею —
вечность перекроя —
я создал. И вот — владею.
И чувствую, что твердою
для нового бытия.

И — страстно, трёхмерно, ярко,
кометой в борозду,
любовью — вошёл под арку.
И — сотворил звезду.

И создал рог изобилья.
И обратилась вдруг
энергия звёздной пыли
в реки, леса и луг.

Откуда-то взялись горы.
Ливень кусты купал.
И бог в ожившие взоры
синью небес упал.

И — погрузясь в колокольца,
кутаясь в гром и грай —
смотрелись в смертное солнце
мы — сотворившие рай.

Око

Крупный ветер безумен. По алым кустам
пляшут чёрные капли и тени.
Вихрь тебе обнажает колени,
сарафан уподобив листам.
Ты хохочешь в шутилом смятеньи.

И, присев, утопляешь ладошками ткань
в травы —
в перья и острые грани.

И тотчас же по ткани
побежала гурьбой луговая герань, —
закружив хороводы фазаньи.

Гром ударил: огромен был день молодой.
Но ничто не исчезло во страхе.
Кони вились и грызлись. А птахи
целовались, любилась в ольхах над водой,
в синей роздыми,

в солнечном прахе.
Так орало, стеноло по весям, лесам
всё живое, так звало друг друга,
что медвяно бурлила округа.
И хоралом вздымалась земля к небесам.
И взглянули мы вдруг друг на друга.

Но забылось тотчас. Потому что меж нас
с тонким визгом неслась кобылица.

А за ней —
золотой первобытною птицей —
жеребец, искровенив оранжевый глаз.
Зноем жажды ударило в лица.
Он нагнал и за холку зубами поймал —
словно коршун тетёрку в полёте.
Круп парил — как вселенная плотен.
Она билась —

бесился стреноженный шквал.
Но держала свой хвост на отлёте.
Между тем две грозы накатились. Меж них
ствол ударил — слепящий и длинный.
Вопль любви загремел,

сотрясая долины.
Но не смог заглушить ни стрекоз у межи,
ни органа лягушек трясины.
Ты не вздрогнула даже.

Ты встала. Восторг
растворил и ресницы, и губы.
Не заметила даже, что грубо
вихрь фазанов вспугнул —
и на солнечный торг
обнажил твои тайные клубы.

Что за день! Ты шептала: «Апофеоз...»
Это кони в лошине за ивой
совершали священное диво
всею солнечной мощью и звонов и гроз.
И, вздохнув, ты шепнула:

«Красиво!»
И, фазанов вернув в сарафановый плен,
распростёрлась меж кипени пенной.
И — ныряя в полёт постепенно —
распахнула сведённые крылья колен.
...И открылось мне око вселенной.

По околице летнего рая

Солнце взошло! Удивление это.
Весело! Охи и вздохи привета.
Вот и пришло бесконечное лето
в синих берёзах, в застойных дождях.
Белое — словно ромашек оконца
с жаркой улыбкой счастливого солнца,
с каплями влаги по всем волоконцам —
в трелях лягушких, в дроздах, в соловьях.

В эти минуты по юной дороге
ты подходила стезёй босоногой.
Господи! Как мне про лёгкие ноги
точно и нежно и чисто сказать?!
Видели вы, как лучи на рассвете
плавно скользят сквозь цветущие ветви?
Слышали в полдень танцующий ветер?
Пили впотьмах родниковую гладь?

Нитки рябин оплетают лодыжки.
Розовых пятюк над травами вспышки.
То ли танцует, а то ли вприпрыжку
мчится над бездною жизни земной.
Я же стою, — навалюсь на жердину.
Зной утирая, —

в сомнениях стыну.
К духу святому, к отцу, к его сыну
строится слово моё надо мной.

Силы земные! Взгляните на ваше
чудо создания — детёныша пашен,
дочь луговин, зеленеющих башен,
в тайну окутанных как в плену.
Вами округлены груди и бёдра.
В сладости губ — земляничное вёдро.
Как вы в ней дышите — вольно и бодро.
Как вы творите в ней мать и жену.

Силы небесные! Ваши победы —
цветень надежды сквозь боли и беды.
Помню: она приносила обеды
на лесосеку — творог и блины.
И, в поднебесье глазами витая,
в синем восторге смеялась: «Летаю!
Ласковым голубем в небе летаю.
Как наяву. А похоже на сны».

Силы духовные! Ваше творенье —
словно кипенье любви и терпенья.
Словно малиновки майское пенье:
сладко, огромно — и слёзы из глаз.
Вот словно луч просияла по лицам:
будто орлица, но — голубица,
нас преклоняя иконно молиться:
горьких, смятенных, восторженных — нас.

Вот он я, Господи! Жилистый, длинный,
локти спецовки уткнувши в жердину,
долго смотрю сквозь круженье крушины
в жаркую жизнь и остуду свою.
Сколько мне солнц довелось переведасть!
Мёдом обедать. И в полудни ведасть:
ты, только ты — моя жизнь и победа.
Солнце сегодня — во славу твою.

Ну же! вздымай из воды поколенной
в небо купальницу — око вселенной.
В ливень волос погружай постепенно,
чтобы смеялось, как солнышко в дождь.
Весело! горько! стоять, наблюдая
как по околице летнего рая
ты — до последней секунды родная —
рядом со мною, но мимо идёшь.

Холм Кремля

Александр Стручкову
Сергею Васильеву

Вот холм стоит. Звон башен на холме.
Ступени храмов —
лестница витая.
И сколько нас — во славе и во тьме —
прошли по ней,
идут и в звоне тают.

Вот холм летит. И в золотом огне
витают души в stoveковом зове.
И нам здесь быть:
вам — страдникам, и мне.
Нам черпать решетом любовь из крови.

Но нет другого для Руси пути,
как нет возврата по спирали века.
Звени, судьба. В сто сотен лет гуди,
вызывая в Боге человека.

Друзья мои! Высокий путь — не зрим.
Путь в темноте —
насквозь пронизан стоном.
Но с нами — Бог. Вернее — с Богом, с ним
восходим мы по лестнице со звоном.

Под нами нынче осень и зима,
Москва — от зова душ,
от слов любви густая...
Вот холм Кремля. И с этого холма
видна вся Русь — по-прежнему Святая.

Калмычке в жёлтом

Навеяно картиной моего друга
Юрия Воронова «Портрет Нины»

Жёлтая калмычка! Когда в июле
ты смотришь в июньские глаза Гумилёва,
ты ещё не видишь августовские пули —
пронзающие и созидающие Слово.

Хмурый Блок печален:
до августа длинно.
Длинный путь в Финляндию
большевиками откazan.

Ничего,
он напишет про скифов былинку —
длинную, как чумная зараза.
Где, по кому исстрадалась Анна?
С кем сочетались страсти Любви?
Странно Бунину —

злбно и странно.
Пешков хмурит аршинные брови.

За стеною каменной,
в лубяных подвалах,
днём стреляют. И ночью стреляют тоже.
А в Володе Маяковском
любовь подвывала —
жёлтая, сиротливая, еврейская до дрожи.

Жёлтая калмычка! Когда Есенин
вошёл к танцовщице,
чтобы не сдохнуть —
боги безбожников вокруг не присели
и дьяволам Лубянки запретили охнуть.

Ну-ка, озаритесь —
Заболоцкий и Марков,
Павел Васильев и Николай Тихонов!
Тихо в России.

Тихо и жарко.
Господи, до чего же в России тихо...

* * *

Ветер тронул узорные ставни
и пошёл по округе рыдать.
Пить бы мёд молодыми устами
и осенью чтить благодать.
Что-то холодно ныне округе.
Первый иней на травах лядин.
Где вы, други? Забытые други...
Я один во вселенной, один.
Беззаботное прошлое время,
оседлав подле ставни коня,
ногу вставило в смелое стремя
и умчалось — забыв про меня.
Жаль, что снятся мёды на закате.
Жаль, что низко дождят облака.
Жаль, что блюдо с блинами на скатерть
подаёт не родная рука.
Я живу на последнем старанье
перед ликом людским не рыдать.
Я живу на последнем страданье —
научившись любить и страдать.

* * *

Светилась ночь. Звезда в ночи сияла.
Густились тени тьмы под бузиной.
Сиреневые складки одеяла
бежали полуночною волной.

Звенели капли бубенцов поддужных.
Хрустел возок невидимым песком.
И вились по холмам ночных подушек
твои кудряшки лунным лозняком.

Давно всё это было... Но ведь было.
Помилуй бог, я вспомню как во сне,
что нас луна листвою лип любила
и сыпала на сон соцветий снег.

И нынче ночь. И свет пронизан тенью.
И оглянулась жизнь издали.
И я смотрю с восторгом и смиреньем
на лунные кудряшки лозняка.

Сын рассветного неба

О Валентине Устинове писали многие. Его называли лириком, эпиком, мистиком, последователем Кастанеды, летописцем людских драм, подвигов, свершений. Человеком, сумевшим преобразовать своё творчество в судьбу, неразрывную с судьбой Отечества. Поэтом, взрывающим читательское подсознание своими мистическими прозрениями... Всё это свидетельствует о многогранности Валентина Алексеевича

Природный талант и чуткость слова, помноженные на высокое мастерство и трудолюбие, стали залогом счастливой судьбы, прожитой им в литературе.

Что немаловажно, Валентин Алексеевич щедро делился секретами поэтического мастерства с молодыми авторами. Я сам не раз, гостя в Доме творчества «Переделкино», видел, как он проводил в холле старинного корпуса литературные мастер-классы для молодых. Отсутствие творческой надменности и человеческое радушие снискали Валентину Устинову профессиональное признание писателей его поколения и уважение молодых авторов. 2018 год — юбилейный для этого человека — необычайно одарённого, искреннего, преданного литературному делу, при этом скромного и совестливого.

Сказовость и сказочность, широта письма и жеста, унаследованная Устиновым от народного эпоса, сделали его поэтом народного духа и звучания. Неслучайно «северным волхвом» назвал Устинова его давний друг, литературный критик Владимир Бондаренко. Похоже, так и есть.

Вспоминаю, как я познакомился с Устиновым. Случилось это тогда, когда писатели Советского Союза имели возможность время от времени наезжать в Дом творчества Переделкино. Пообщаться, поработать, погулять по живописным окрестностям, вдохнуть свежего столичного литературного воздуха... Обычно я занимал 40-й номер в старом корпусе, а рядом, в 39-м, довольно долгое время жил Валентин Алексеевич. Проснёшься поутру, а за стенкой уже бодро стучит печатная машинка: поэт работает...

Вечера проходили несуетно. Мы с Валентином Алексеевичем выходили в холл: он с кружкой крепкого чая, я — с кофе. Много говорили о поэзии, о поэтах, время от времени перемещаясь на балкон. Так было несколько лет, пока Устинов не получил персональную дачу в Переделкино.

На память о том времени у меня осталось несколько поэтических сборников Валентина Устинова с самыми добрыми автографами. На книге «Песчаный свиток», изданной в 2009 году в «Московском писателе», он напечатал: «Славному Эдуарду Анашкину — мою странную книгу — со страхом». Прочтя автограф, я удивился: уж чего бы опасаться признанному мэтру?! А потом подумалось: ведь творческая самоуверенность стубила не одного даровитого автора, так что и хорошо, что нет её в Устинове.

Я видел в нём поэта того легендарного поколения, которое уже почти ушло от нас: Юрий Кузнецов, Николай Рубцов, Анатолий Передерев... И лишь удивительное жизнелюбие Валентина Устинова не позволяло видеть в нём «последнего из могикан» — настолько он был полон замыслов и идей. Одна из них стала всероссийским проектом издания альманаха «Академия поэзии», когда под одной обложкой — авторы разных регионов,

возрастов, эстетических исканий. К тому же до последнего своего земного рубежа Валентин Устинов был поэтом действующим, активно пишущим. Как он при этом находил он время на поиск талантливых авторов по всей России, чтобы представить их на страницах «Академии поэзии»? Однако находил!

Мне как читателю, судьба которого навсегда связана с селом и сельским трудом, особенно близко, хотя и удивительно, отношение Валентина Алексеевича, человека городского, к сельскому труду не как к некоему ядру подневольному, но мистическому таинству. Ведь благодаря ему мы соединяемся с многими поколениями наших пращуров, кропивших родную землю трудовым потом, а потом ушедших в неё и ставших её частью. Для меня очень важна в любом писателе эта связь с землей. Ведь

что поэт любил женщин, и женщины платили ему взаимностью?

Шёл дождь — как ослик, семена.
Густели в сумраке вершины.
Ночные завихри лещины
Переполюняла щебетня.
Но птиц тесня, из-за плетня
Неслось хмельно-полусерьёзно:
— Любите, женщины, меня
Сегодня, завтра будет поздно!..

Любящие женщины, как известно, внимательны и заботливы в отношении популяризации творчества поэта, которого любят и ценят. Какие замечательные, пронзительные и проникновенные эссе об устиновской поэтике написаны Светланой Скорик, Ириной Шевелевой, Мариной Переясловой...

Россия — страна крестьянская! За это Валентину Алексеевичу поклон от всех сельских мужиков:

Мужицкое святое нетерпенье
Венозной кровью взбухнет на руках,
Когда коса влетит с косым шипеньем
В букашечье,
В шмелиное гуденье,
В пырей,
В осот —
Во влажное кипенье
Зелёного парного молока.

Такое мог написать только человек, не понаслышке знакомый с крестьянской долей. Человек, который не единожды держал в руках косу, стоя босиком на росном лугу. Так опозитизировать народный труд мог только поэт народный и по-настоящему русский!

Как всякий русский человек, Валентин Алексеевич был в творчестве разным. Яркий мужской лиризм его стихов ностальгически воспринимается в наше время, когда в сходящих с ума от толерантности и бесполости европах настоящего мужика и не сыщешь. Слава Богу, зараза эта пока не переполюзла в Россию, но ведь на то она и зараза, что — заразная. Стихотворения Валентина Устинова так ярко мужественны, что удивительно, что нравятся женщинам. Время сейчас, конечно, прагматическое и людям не до романтических вздохов на скамейке, к которым иногда почему-то относят и поэзию. Но Устинов не был прагматиком. Он был поэтом. Он воспел любовь земную с той откровенностью, на какую оказались не всегда способны многие поэты его поколения. Но несмотря на откровенность его любовной лирики, по сути своей она очень целомудренна. Да и что удивительного,

Честно говоря, принимаясь за эту статью, я не знал, стоит ли касаться личной жизни Валентина Устинова. Особенно в плане его недолгого семейного союза с одной из ведущих современных русских поэтесс Дианой Кан. Не знал я, как отнесется Диана к тому, что затрону эту тему. Но и не сказать нельзя, ведь тема — не шило, а жизнь Валентина Устинова — не мешок! Потому я очень благодарен своей самарской землячке, поэтессе и критику Марине Переясловой, ныне живущей и работающей в Москве. Со свойственной Марине Вячеславовне тактичностью она решила за меня проблему. Эта цитата доказывает: брак двух выдающихся поэтов хоть и был недолг, но решён не на земле, а на небесах...

В этот день я проспал посредине
Вселенной

Миг рожденья, миг смерти
И вечность меж них.
Словно жил меж травы —
Бесконечной нетленной.
И трава нашептала написанный стих.

Думается, у настоящего поэта, поэта волею небес, каким был и навсегда остался Валентин Устинов, есть только миг рождения, а смерти нет. Смерти и старости нет, пока мы читаем стихи поэта, пока произносим слова, что вырваны им из мятущейся души, пока эти слова остаются для нас откровением небес, а сам поэт остаётся для нас сыном рассветного неба:

Я таким молодым никогда ещё не был.
Поднимусь на заре и в любимом краю
Из горячего жара рассветного неба,
Как из красного шёлка, рубаху скрою.

Эдуард АНАШКИН

Продолжение. Начало на стр. 1

Именно советские литературоведческие штампы создают сегодня у нашего современника равнодушие к Горькому, а это страшнее любой критики. Впрочем, это у нас, в России, то есть на родине Горького. А вот в Швеции почти ежегодно издаётся «Детство» Горького, разумеется, в переводе. Но в России к юбилею выдающегося писателя солидное издание его произведений вышло только в Нижнем Новгороде. Вокруг имени Горького накопилось слишком много стереотипов, литературоведческих клише и мифов. Развенчать их должно молодое поколение учёных.

Развивая тему мифов, сопровождающих имя М. Горького, крупнейший специалист по его творчеству, доктор филологических наук Лидия Спиридонова, отметила, что прежде всего необходимо развести понятия социалистического реализма и творчества Горького. Соцреализм как литературное направление появился лишь в 1930-е годы и носил политизированный характер: достаточно упомянуть, что первые статьи о соцреализме писал нарком просвещения А. Луначарский. Что касается творчества М. Горького, то в это время, фактически уже на закате жизни, он занимался не литературной, а прежде всего организаторской деятельностью: создал Литературный институт (который теперь носит его имя), Союз писателей и провёл первый съезд советских писателей, где художественное направление соцреализма стало тематической доминантой. Однако надо помнить, что сам Максим Горький никакого соцреализма не придумывал — просто ему некуда было деваться от очередного «подарка» со стороны вождя. Лучшие произведения автора созданы задолго до съезда 1934 года: пьеса «На дне» — в 1902 году, автобиографические повести «Детство», «В людях», «Мои университеты» приходятся на 1913–1923 годы, роман «Дело Артамоновых» написан в Италии в 1925 году, тогда же начал и эпический роман «Жизнь Клима Самгина». Все эти произведения никакого отношения к соцреализму не имеют. Лучшие работы Горького — это огромное художественное полотно, на котором талантливо изображена жизнь России

рубежа XIX — XX веков, трагичная судьба русского человека. Что касается революционной романтики «Буревестника» 1901 года, включённого в школьную программу, то его жизнеутверждающий пафос может ассоциироваться с соцреализмом лишь в силу учительского невежества.

Доктор филологических наук и библиотечка Анастасия Гачева, заметила, что Горький должен быть интересен нашему современнику прежде всего масштабом своей личности. Как и Фёдор Достоевский, Максим Горький был выдающимся гуманистом, хотя и достаточно резко отзывался о творчестве первого. Без всякого преувеличения, писатель Максим Горький — гражданин мира, что роднит его философские взгляды с ноосферной концепцией Вернадского. Именно благодаря этим глобальным представлениям о мире Горького мы можем сегодня переосмыслить проблемы, стоящие перед человечеством.

Горький иронично и остро поднимал тему мещанства, психологии человека, который добровольно себе ставит интеллектуальный и духовный потолок и не желает расти, погружившись в комфорт и быт. Сегодня, в нашем обществе потребления, эта проблематика более чем актуальна.

Однако, как подчеркнула А. Гачева, важно найти адекватные способы ретрансляции горьковских мыслей для сознания современного, зачастую малограмотного читателя. Музеи и библиотеки соревнуют-

ся между собой в поиске таких форм работы с массовой аудиторией. К примеру, одна из библиотек ежедневно вывешивает какой-либо афоризм Достоевского. Молодёжи это нравится, реплики выдающегося писателя фотографируют на телефоны, и «Достоевский на каждый день» может стать удачной моделью для популяризации творчества М. Горького.

Конечно, пьесы и романы Горького — это не гигиенические салфетки, не может Горький быть «на каждый день». Но в наблюдении А. Гачевой есть то, что называется обратной связью с массовой аудиторией. Мы живём в век динамичный, стремительный. Четырёхтомные романы для нынешней молодёжи — почти то же самое, что египетские папирусы, — в руки брать страшно. А вот ежели начать с простого, с одной-двух цепляющих за душу фраз, ненавязчиво вывешенных на стенд или экран, то глядишь, уже и к книге потянет — узнать, а что там ещё есть такого же классного и вкусного?

Директор ИМЛИ РАН, доктор филологических наук Вадим Полонский заметил,

Анна ГАГАНОВА

Максим Горький и наше время

что одной из наиболее значимых задач, стоящих перед литературоведами, является работа с публицистикой М. Горького. Необходимо тщательно изучить источники и начать обработку того большого публицистического наследия писателя, к которому академическая наука недостаточно серьёзно подходила в прежние годы. Публицистика Горького достойна быть разобранной на афоризмы, не говоря уже о её научной ценности.

О популяризации творчества Горького много говорили представители музеев, приехавшие со всего мира. Директор литературно-мемориального музея Горького в Самаре Людмила Савченко делилась с коллегами опытом создания интерактивного киоска, в котором высвечивались основные вехи биографии М. Горького, раскрывая его масштабную личность гражданина мира.

Задача переброски моста между эпохой Горького и современностью отнюдь не проста. Для этого необходимо уметь рассказать о писателе просто, увлекательно, с опорой на мировоззрение и ценности массового читателя. Один из докладчиков, представлявший Нижний Новгород, заметил, что современному читателю не нужна философская глубина метафизических, религиозных и тому подобных текстов. Он рассказал, что в его городе есть книжная лавка, куда люди относят ненужные книги. На первом месте по количеству

сданных книг оказались Мережковский и Бердяев, а вот Горького почти не найдёшь. Значит, это имя для людей ещё представляет ценность. Одновременно докладчик заметил, что обращения журналистов к литературоведам с вопросом о любовниках Горького не должны шокировать профессионалов или расцениваться как следствие падения нравов. Лучше вот такой бытовой интерес к писателю, чем вообще никакого.

Профессор Пекинского университета Жэнь Гуаньюань, изучающий русскую литературу XX века, рассказал, что в Китае отношение к авторам советского периода зависело и во многом продолжает зависеть от политического курса и идеологических установок. Во время культурной революции, в которой, конечно же, не было никакой подлинной культуры, началось переосмысление русской прозы XX века. Так, например, резко менялось отношение к творчеству Михаила Шолохова: он оказывался то среди рекомендованных, то среди запрещённых, то среди неоднозначных писателей. Однако в Китае всегда

интересен сразу в нескольких ипостасях. Во-первых, это пример сильной и неординарной личности, остро реагирующей на проявление различного рода несправедливости в обществе. Нельзя сказать, что в современном социуме отношения людей идеальны, и мы живём в здоровом, неагрессивном обществе. Поэтому нам и интересен Горький: его произведения затрагивают и раскрывают глубочайшие и острейшие социальные конфликты, которые были и которые, увы, не редкость и в наши дни.

Во-вторых, сама личность Горького притягательна. Не хочу использовать банальный американизм self-made, но в самом деле, биография писателя поразительна. Перед нами человек, всего в жизни добывавший собственными силами, и это не может не восхищать и не манить к себе, хотя бы желанием узнать, а есть ли в таком, почти вертикальном росте какой-то секрет, какая-то, извините, технология, которой можно было бы научиться?

В-третьих, перед нами бунтарь-одиночка, поневоле ставший на склоне лет функционером от искусства, и этот феномен крайне любопытен в философском плане для людей, умеющих анализировать проблему свободы личности и её зависимости от системы.

В-четвёртых, биография Горького примечательна тем, что уже при жизни он стал классиком. Это отразилось не только в том, что последние годы жизни писатель провёл в шикарном особняке, принадлежавшем семье промышленников Рябушинских, куда Горький, сам того не желая, переехал по настоятельному требованию Иосифа Сталина. Имя писателя успело стать прижизненной иконой, идеальным образом советского автора. Но работа Горького над эпическим романом о Климе Самгине совсем не интересовала политическую верхушку страны. Горький-публицист ценился идеологами гораздо выше чем

Горький-писатель. Финал жизни автора если не фарс, то трагедия художника и человека, посвятившего жизнь борьбе с социальной несправедливостью и ставшего на склоне дней одним из символов власти.

Сергей Федякин, писатель, кандидат филологических наук, доцент кафедры новейшей русской литературы Литературного института им. А. М. Горького:

— Подлинного Горького нашему современнику ещё предстоит открыть. Ведь «Буревестник» и «Мать» из школьной программы, с которой мы живём иногда даже до старости, это лишь малая часть Горького, и далеко не самая показательная. Я полагаю, что современному читателю весьма интересен будет тот неизвестный Горький, о котором не пишут ни в школьных учебниках, ни в хрестоматиях по литературе для вузов. Самый интересный и притягательный лично для меня Горький — не романтик и не бунтарь, но глубокий и серьёзный психолог, исследователь человеческой души. Вот послушайте, что пишет сам Максим Горький.

«Чем больше живу, тем всё более заманчиво интересными кажутся люди», — это Горький середины 1920-х гг. Начинать с «новых людей», с персонажей, в которых так важен был протест против того, что уже существует. Когда перевалило за пятьдесят,

были два автора, которые, независимо от смены идеологической парадигмы, печатались огромными тиражами, — это Николай Островский и его «Как закалялась сталь» и это Максим Горький и его роман «Мать».

В продолжение темы «Образ Горького за рубежом» вспомнили доклад коллеги из Японии, который парадоксальным образом заканчивался словами: «Сегодня, когда мир испытывает американское давление и угрозу однополярности, когда Япония ощущает циничную агрессию США, необоснованные финансовые претензии, в это непростое время Максим Горький — та самая путеводная звезда, которая поможет стране восходящего солнца преодолеть угрозу современного империализма».

Давайте ненадолго отвлечёмся от Каминного зала ИМЛИ РАН и обратимся к другим экспертам в области литературы XX века с вопросом о том, может ли Горький сегодня рассматриваться как наш современник? Вот что в эксклюзивных интервью рассказали профессора ведущих филфаков страны.

Дмитрий Польш, доктор филологических наук, профессор Московского педагогического государственного университета:

— На мой взгляд, для нашего современника, человека XXI века Максим Горький

интересно стало иное: люди, такие, какие есть — особенно если они с чужинкой.

«Заметки из дневника. Воспоминания» — это целая галерея людей необыкновенных: умных и неумных, изворотливых и просто-душных, добрых и жестоких, но, при всех различиях, интересных. Книга «Записки из дневника», откуда пришла цитата про «заманчиво интересных людей», должна была стать её продолжением. Горький успел написать для неё лишь отдельные очерки. Но само это приглядывание к людям странным, людям с чудачеством, приглядывание к жизни ощутимо и в рассказах 1920-х гг., и в разрозненных очерках этих лет, и даже в «Жизни Клима Самгина».

А горьковские люди «со странностями» заново родились в прозе Андрея Платонова, Василия Шукшина, отчасти Бориса Шергина и Василия Белова. Далее уместно поставить многоточие. Это целая галерея характеров, начало которой задано именно Максимом Горьким.

Горький, которому «за пятьдесят», словно утратил романтическое начало, ощущавшееся даже тогда, когда ему было «за сорок», но обрёл чувство удивления перед жизнью. Это особое чувство и сделало его позднюю прозу необыкновенной, единственной. Этой прозой он и будет интересен читателю в будущем, если тот, конечно, сможет дорасти до такой литературы. И если само понятие литературы, художественной прозы не превратится у нас в стране в эквивалент рыночного товара.

Михаил Голубков, доктор филологических наук, председатель диссертационного совета МГУ по филологическим наукам:

— В литературоведении XX века сегодня сложилось словно два параллельно существующих и почти не пересекающихся литературных пространства. Первый писательский мир создавался литературоведами 60-70-х гг. XX века, когда наша страна всё ещё уверенно шла к коммунизму. Второй же писательский пантеон появился на рубеже XX и XXI веков, одновременно с открытием границ и либерализацией страны. В первом писательском пространстве центральными фигурами были М.Горький, Л.Леонов, В.Маяковский, А.Фадеев, А.Серафимович, К.Федин, Г.Николаева, В.Кочетов. Сейчас они не только потеснены, но — хуже того! — пребывают в забвении. Теперь литературоведы говорят лишь о новом писательском мире, центральными фигурами в котором являются М.Булгаков, А.Платонов, А.Ахматова, а также Б.Пастернак, В.Набоков, И.Бунин и другие представители русского зарубежья, эмиграции. Такая смена литературных приоритетов опиралась на политические мотивы, но хороша ли и правильна она была? Разве нельзя определить масштаб Булгакова и Бунина, не выбрасывая из истории литературы Горького и Леонова?

Горькому при этом «повезло» ещё меньше, чем Леонову. Если к автору «Русского леса», «Скутаревского», «Дороги на океан», «Пирамиды», «Соти», «Вора» и «Барсуков» у современного читателя осталось лишь равнодушие — эти произведения ничего ему не говорят, он о них даже не слышал, — то о Горьком всё-таки кое-что читателю известно, но образ автора, создавшийся в массовом сознании, весьма далёк от подлинных масштабов его личности. Поразительно, но факт.

Интерпретация творчества М.Горького современным «массовым читателем» близка к школьной программе по литературе советских времён, в которую были включены далеко не самые сильные произведения писателя, а лишь его ранние, дореволюционные рассказы и повести («Макар Чудра», «Старуха Изергиль»), повесть «Мать» и пьеса «На дне». Вот и всё, что знает наш современник о Горьком, словно за те 34 года, что Горьком осталось жить после «На дне» он ничего не создал: ни автобиографической трилогии, ни романа «Дело Артамоновых», не говоря уж об эпопее «Жизнь Клима Самгина». Конечно, ситуацию нашего массового

невежества немного выправляет драматургия Горького, его пьесы «Мещане», «Дети солнца», «Дачники» и «Варвары», не говоря уж о хрестоматийной «На дне», продолжая ставить в многих театрах страны. Но это ещё не означает, что благодаря этим спектаклям читатель обратится к эпической прозе автора.

Попробуем ответить на вопрос, чем же всё-таки может быть интересен Горький современному читателю? Вероятно, прежде всего, исследованием драмы противостояния личности и истории. Писатель анализирует стремление личности вырваться из-под прессинга исторической машины, вернуться от жестокого маховика исторической машины. Отсюда и специфика реализма Горького — это, конечно, не соцреализм, как принято писать в учебниках, а скорее модернизм, с его особым видением мира. Если реализм предполагает жесткость связей между окружающим миром и человеческим характером, его пустотками, то в модернизме эта определённая нарушается. Поэтому творчество Горького насыщено особым рода гуманизмом, если под этим понимать отсутствие высшей, божественной воли и силы. «В наше время ужасно много людей, только нет Человека», — вот замечательная формула Горького, очень актуальная и сегодня.

Итак, сможет ли Горький стать для нашего современника не только определённым символом русской советской литературы, но и живым человеком, у которого можно учиться, с которым хочется советоваться? Думаю, здесь очень важно избежать такой примечательной тенденции современности, как рыночное брендирование имени классика.

Работая в районе Новой площади и Лубянки, я ежедневно проходила мимо ресторана, носящего имя Сергея Есенина. Однако внутри этого заведения с высокими потолками и зеркальными стенами ничего есенинского не было, ну разве что счёт подавали, вложив чек в томик стихов. С тем же самым успехом ресторан «Есенин» мог бы носить любое другое имя — хоть поэта, хоть писателя. Однако назвали «Есенин», видимо, уловив массовую популярность имени этого поэта. Ну и ассортимент алкогольных напитков, конечно же, впечатлил...

В московском Доме предпринимателя, в том самом где располагался кинотеатр «35 миллиметров», на первом этаже обосновался ресторан «Достоевский». Надо ли уточнять, что имя классика к данному месту не имеет абсолютно никакого отношения? Интерьер также идёт вразрез с ним. И даже чек в томике «Идиота» клиенту не приносят (а то ещё примет, не дай Бог, название романа на свой счёт). Образ Достоевского в данном заведении полностью вымышлен креативными рестораторами.

В Столешниковом переулке открыт ресторан «Гоголь», причём имя выдающегося писателя на дверях пишут так, что возникает иллюзия на поисковую систему Google. Ни к блинчикам с семгой, ни к горячему глинтвейну с корицей претензий по качеству нет. Вопрос один: а причём тут, собственно, сам Гоголь?

В Петербурге, на Невском проспекте открыт ресторан «Бутер-Бродский». Внутри и снаружи этой закуской на русском и на английском языках ведётся игра слов «Бродский» и «Бутерброд». Цены неигровые, настоящие. Для кого они? Может, для иностранцев, любителей русской иммиграции?

Всё это, конечно же, не более чем эксплуатация имени классиков в рекламных целях. Бренд от литературы даёт возможность установить на блюдо цену, как в ювелирной лавке.

Хорошо, что Максим Горький не угодили в когорту хорошо продаваемых брендов. Пусть уж лучше он будет символом русской советской прозы, чем шоколадкой Бабаевской кондитерской фабрики или вывеской в модном ресторане.

Анна ГАГАНОВА

Наталья Фонвизина — добрый ангел Достоевского

Неизвестно, как сложилась бы на каторге, да и после неё жизнь Достоевского, не появившись в его судьбе Натальи Дмитриевны Фонвизиной: в Тобольске эта милосердная женщина вложила в руки будущего великого писателя Благоую Весть — Евангелие

Из глубины времён прорывается в наш век образ этой прекрасной женщины — спустя 215 лет со дня её рождения. Хотя и сохранились два портрета, воспоминания современников, немного писем и страниц из дневников, о её жизни всё равно известно мало. Творческим подвигом можно назвать произведение, посвящённое ей художником редкого дара Александром Васильевичем Баклановым. Он — известный в мире представитель русского медальерного искусства, народный художник, профессор, с юношеским вдохновением и восторженной любовью к своей модели разработал юбилейную медаль, посвящённую Наталье Фонвизиной.

Люди, знавшие и любившие Наталью Дмитриевну, отмечали в ней страстность натуры, пылкий ум, разносторонность знаний, оптимизм и огромную любовь к жизни во всех её проявлениях. От матери Наталья унаследовала интерес к религии, который смолоду выразился в жажде

В «Дневнике писателя за 1873 год» Достоевский вспоминает, как это было: «Жены декабристов умолили смотрителя острога и устроили в квартире его тайное свидание с нами. Мы увидели этих великих страдалец, добровольно последовавших за своими мужьями в Сибирь. Они бросили всё: знатность, богатство, связи и родных, всем пожертвовали для высочайшего нравственного долга, самого свободного долга, какой только может быть. Ни в чём неповинные, они в долгие двадцать пять лет перенесли всё, что перенесли их осуждённые мужья. Свидание продолжалось час. Они благословили нас в новый путь, перекрестили и каждого оделили Евангелием...»

Евангелие для Достоевского стало тем источником, из которого он почерпнул свой «символ веры». Он говорил, «этот символ очень прост, вот он: верить, что нет ничего прекраснее, глубже, симпатичнее, разумнее, мужественнее и совершеннее Христа, и не только нет, но и с ревнивою любовью говорю себе, что и не может быть...»

Какой же необыкновенной нравственной силой, энергией, верой обдала Наталья Дмитриевна, что смогла вдохнуть новую жизнь в этих бунтарей!

Александр Бакланов говорит, что когда он создавал образ Фонвизиной, ему было недостаточно двух дошедших до нас её портретов: на одном она слишком молодая, на другом — уже в почтенном возрасте. Помогли художнику сведения людей, знавших Фонвизину. Так, декабрист Николай Лорер находил её «одной из прелестнейших женщин своего времени; особенно хороши были её голубые, светлые глаза».

По крупицам автор памятной медали собирал информацию о Фонвизиной: как жила, чем занималась. Выяснилось, что она и сама была художником, прекрасно вышивала, занималась шитьём, стала первой в Сибири выращивать цветы, а их образы использовала, создавая знаменитые тюменские ковры. Этот старинный русский народный промысел существует поныне, но теперь мало кто о нём знает. Вот потому на фоне портрета Фонвизиной мы видим прекрасные розы, настоящий ковёр из роз, символизирующий саму красоту. Художнику удалось создать не просто исторический портрет, но портрет-символ, портрет-пример, портрет-признание.

Ко всему добавим, что идея создания юбилейной медали принадлежит известному книгоиздателю, руководителю общественного благотворительного фонда «Возрождение Тобольска» Аркадию Елфимову.

Валентина ЕФИМОВСКАЯ

аскетических подвигов, в интересе к религиозной литературе. Фонвизина смиренно приняла приговор супругу по делу декабристов и так же смиренно отправилась за ним в ссылку.

Тобольск — город не только исторический, но и метафизический тоже: это место зримого противоборства тьмы и света, узел великих судеб. С этими краями связаны и детские годы Александра Бакланова, поэтому со знанием природы края, особенностей архитектуры и истории художник создавал медаль. На одной стороне — её портрет, усыпанный розами. На обратной, на дальнем плане, — дом, где жила семья ссыльного на фоне православного Тобольска середины XIX века. На переднем плане — зажжённая свеча, ослепляющая будто б от долгого чтения, Евангелие с тиснёным на обложке крестом и несколько конвертов, запечатанных сургучной печатью. Это — свидетельство дружбы Натальи Дмитриевны и Фёдора Михайловича, те самые письма, которым он так радовался: «С каким удовольствием я читаю письма ваши, драгоценнейшая Наталья Дмитриевна! Вы превосходно пишете их, или лучше сказать, письма Ваши идут прямо из Вашего доброго, человеколюбивого сердца легко и без натяжки».

Знакомство Достоевского с Фонвизиной произошло в январе 1850 года в пересыльной тюрьме, — тогда она дала ему книгу, которую он все четыре года неволи читал непрерывно, хранил под подушкой и, по свидетельству Страхова, не расстался с ней до последнего своего вдоха.

Андрей НОВИКОВ. Поэт, прозаик, публицист. Окончил Литинститут им. А.М.Горького, семинар В. Кострова. В 2015 году в Липецке возглавил региональное отделение Союза писателей России. Лауреат Международной Южно-уральской литературной премии (Челябинск, 2017 г.) и международной литературной премии «Русский Гофман» (Калининград, 2017 г.). Секретарь союза писателей России.

Андрей НОВИКОВ

Тревожный яд земных щедрот

Роман со столетьем

Колючее утро отметит,
Как свет через кроны щербат.
Закончен роман со столетьем,
Молчит, пожелтев циферблат.
Он ржавою стрелкой морочит,
Меня в неизвестность гоня,
Он знаться со мною не хочет
В преддверии судного дня.
Прохладою ливень ярится,
В высокую грусть затворён.
Уместней сейчас удивиться
Языческой власти времён.
Ненастье измучит свеченье,
Толкая бездонную даль.
И памяти горького мщенья
Сегодня особенно жаль.

Перекрестье

Летающий шум от миротворенья
Из космоса до ветреного дня.
Я знал слова печали и забвенья,
Но думал: это все не про меня.

Из комнаты, откуда убежали
Года в стекло и залегли во тьме
На мрачные панельные скрижали
Пятиэтажек в тихой стороне.

У времени — замашки святотатца,
Бредущего на миражи огней
В желании скитаться и расстаться
Среди бетона,
ветра и камней.

Так где живут согласные стихи
И ломаются от праздников столы?
Рога где поднимают золотые,
Бредут в тиши библейские воли?

Где вечности отпляшут на потребу,
Порой до крови закусив губу,
И где порой ломает стены небо
Гудя в Иерихонскую трубу.

Там произносят тайное известье,
Оно и есть краугольный пласт,
Земной дороги тяжкой перекрестье
Сжимает нас и проникает в нас.

Рождество

Снега метут в замшелый ельник,
На лики пал небесный свет,
Идет Рождественский сочельник,
В златые веси разодет.
Стекло под тёплой ладоною,
Оттаёт в ласковые дни.
И праздник берedit гармонию,
Тревожит сельские огни.
Ещё не чудо, просто будни,
Сейчас войдут волхвы под кров,
Младенца шелковые кудри,
И снова победит любовь.
Земля становится просторней,
Не спит Мария до поры,
Покой великий в мире горнем,
Даёт чудесные дары.
В хлеву соломы колкий воздух,
Овчина, ясли, полумгла,
Чернеют мокроглагом ноздри,
Неравнодушного вола.
И ничего ещё не значит
Рожденья таинство, когда
Незримый ангел тихо плачет
От счастья и горит звезда.

Яблоко

Снова глупо, вопреки рассудку,
Не туда повесили звезду,
Спрятанный в телефонной будке,
Ночи круг печалью обведу.
Быть собой, пусть увеличит в сумме,
Искаженье предрассветный час,
Слушая оцепеневший зуммер,
Проходящий глухо через нас.
Над балконом дома из панелей,
Млечный Путь из неразрывных уз.
В городском саду юнцы пьянели,
Надрывался в аромате гнус.
И свисало яблоко планетой,
И упасть грозило на траву,
В это разъярившееся лето,
В этот мир, где я ещё живу.

Праздник

Жизнь интересна в первой трети,
На кухне молоко кипит,
Пегарды зажигают дети,
И снег искрится и шипит.
В прихожей разговоры грубы,
Свет резко падает в проём,
Приходят гости, шапки, шубы
Топорщатся хмельным зверьём.
А улица ликует в сборах,
Куранты бьют желанный час,
Расплавлен наст, чернеет порох,
Привычно праздник входит в нас.
Вот так приливом и отливом,
Сумбуром, новизной затей,
И только хрупки и ленивы,
Остатки ледяных дождей.
В них видно будних дней удушье,
Работы повседневной боль,
Жизнь, дай чуть-чуть великодушья,
И праздник выплакать позволю.

Не в счёт

Живу без здешнего уклада,
И воздух дождевой не в счёт,
Лишь только ветер, так как надо,
Листом в небытие несёт.
Один среди пустынной рощи,
Где даже мысль возникнет вслух,
Что есть мучительней и проще —
Вокруг сквозной, свободный дух.
Свежа в нем мера откровений,
Мгновенья словно из крупниц,
Рассыпанные ловят тени,
Взлетающих над кроной птиц.
Пока прощальные их крики,
Небес сомнут водоворот,
В минутах этих есть безликий,
Тревожный яд земных щедрот.

Клерк

Предзимье и случайный фейерверк,
Что молодость устроила со смехом,
В подъезд заходит
равнодушный клерк,
Блестя под фонарями рыбьим мехом.
Скрывает дождь его и листвою,
И людоедства домового шнеки,
Судьба под водосточною трубой
Следы его оставила навеки.
Контакт с семьёй —
почти гремучий газ,
Тактильный мир в калейдоскопе кухни,
Где чайника ошпаренный маразм,

С картошкой отварной и салом вкупе.
Метаморфозы дня стоят горбом,
Пороком, в нерешенье сиротливом,
Целует, ударяясь в щёку лбом,
Холодный ящик с колбасой и пивом.
Зевает и течёт песок в часах,
Неумолим среди радостей и стрессов.
Но грезит он, что времени ясак
Получит от согласия с прогрессом.

Закат над рекой

Закат блестит на полусонном сгибе,
Кончается тлетворный душный день,
Вольготно только рыбе в водной глыбе
Отбрасывать серебряную тень.
Там донная мальком лютует залежь,
Там толща вод упряма и сложна,
Близка добыча, да уши не сварить,
Свобода мне, а не реке важна.
Зелёным соком манит воздух чистый,
Душа подобна стрекозе сквозной —
Крыльями ловит отсвет слюдянистый
В попытке стать природой и собой.

Мазками яркими холста

В календаре бывают числа,
и значимы они сейчас,
Тревожны сокровенным смыслом,
непостижимым в мелочах.
Читать твои глаза напротив,
догадки чувственно влача,
Что из душевных подворотен
ждёт и врача, и палача.
Поссорившись, воркуем вроде,
обиды чувственно легки.
Мы растворим себя в природе,
уснув на берегу реки.
За переливы нищей крови,
в расчёте смерти и любви,
Я пред тобой всегда виновен,
смирись, умолкни и живи.
Червонный свет небесной сферы,
раскатов приглушённый звук,
И жажда верности и веры,
и слепота горячих рук.
А явь умна, как ложь чужая,
влачится в дальние места,
Где день себя преобразует
мазками яркими холста.
Нежна пора предгрозовая,
в ней чувство воли, рай и ад,
И разноцветьем укрываясь,
поля души моей стоят.

Не отдавай!

Промчалась жизнь в известном шуме-гаме,
Забылись разом дружба и вражда,
Играешь роль в одной нехитрой драме,
Но кто тебя на этой сцене ждал?!
Едва начав,
бросал любое дело,
В неутолимых путаясь страстях,
Безбожником плясал остервенело
На хрупких человеческих костях.
В каких краях,
под звёздными венками,
Являлась непреклонность бытия?
Дороги обрапались тупиками,
В трясине пропала колея.
Не отдавай,
чего бы ни просили,
А накопи в душе и преумножь,
Страданья, что дождями моросили
Или сияли, словно медный грош.

Бубенчик

В жажде жизни, в её круговерти,
Перемешаны правда и ложь,
Много скучного в опыте смерти,
Не тождественно правилам... Что ж —

Безутешно одетый дух речи
Удивлял повседневности бровь,
И за ближнего страх недалече
Был на жалость похож и любовь.

Но размажь эту смесь мастихином,
Не жалея ни кармин, ни белил,
Ремесла полновесным цехином
Ты давно и за всё заплатил!

Небо крыл непечатною жестью,
Жадно ел пирожки с требухой,
Исходивший глухие предместья,
Молодой, бесшабашный, бухой.

Муки вечные щедрой пригоршней
Собирал и прощенья просил...
Потому и в груди скомороший,
Вместо сердца, бубенчик носил.

Запретный город

Когда зима поднимет ворот,
Из индевеющих вершин
Встаёт с утра запретный город,
Являясь множеством личин

В бетонных трубах предо мною,
Где зарево стоит в дымах
Не за китайскою стеною,
А по соседству и впотьмах.

Его я плохо понимаю,
Но будет так на все века —
Река во льду глухонемая
С фигуркой дальней рыбака.

Так почему чредой полосной
Цехов искристые венцы,
Похожи, в смыслах переносных,
На поднебесные дворцы?

...Рабочий день толпу не нежит,
Трамвай устало дребезжит,
И наледь, как лиловый стержень,
Узорно стёкла осветит.

В этом мире каждый народ, каждая страна имеют свою историю, свою участь, которая видоизменяется в судьбоносные, эпохальные времена в зависимости от того, какую позицию занимают сыны Отечества: она светится ярким светом, если они горят энтузиазмом и совершают ратные подвиги, или тускнеет, как потухшая свеча, от их бездеятельности и пассивного созерцания.

В начале XX века, в период «топорного территориального разделения», таджикский народ — народ с древней культурой и восхитительной словесностью — был несправедливо обделён и чуть было совсем не остался без земли. И в это крайне тяжёлое время судьба направила мудрого защитника в лице Садриддина Айни — нахлебавшегося горестей неутомимого труженика, прозорливого, пронзительного, непреклонного. Вместе со своим жаждущим справедливости народом он вступил в бой с жестоким миром произвола и своевластия и благодаря титаническим усилиям доказал, что есть его народ и на что имеет полное право. Со временем у Айни появились верные сподвижники, среди которых самым выдающимся был неустрашимый борец и пламенный поэт Абулькасим Лахути.

На первый взгляд, Лахути не был привязан к этой земле, к этому народу, но на деле его с ним связывали единокорные корни, узы родства, общность духа. Умом и чутким сердцем проникнувшись идеями Айни и его соратников, осознав их благие цели и начинания, в едином ряду с ними он встал на службу своей второй родине — древнего и вечно молодого Таджикистана. В своих стихах он проникновенным свежим словом восславлял достоинства таджикской нации, которая на протяжении веков подвергалась жестокому ударам и гонениям, но всегда восставала, как феникс из пепла.

Ещё будучи молодым поэтом, Лахути написал стихотворение, выражающее кредо его жизни:

Гонит рок меня за правду.
Разве праведное дело
Разбивать живое сердце,
не подвластное обману?
Рок на всех скрижалях мира уничтожить,
хочет имя
Тех, кто дал обет священный:
«Правды чтить не перестану».
Солончак для гиацинта не приют.
Кругом — неправда
И не раз ещё злодеи нанесут мне
в сердце рану.
Но принять любые муки
я готов во имя правды,
Ведь недаром ненавистен
стал я вражескому стану.
Верю в правду. И упорным,
и решительным я буду,
И под гнётом злого мира, знаю,
слабым я не стану.

Острое чувство справедливости, неприязнь гнёта и унижения человеческого достоинства возвели Лахути до непреклонной революционной личности. В конце концов, он поднял восстание, жестоко подавленное и оставшееся в истории под названием «Восстание Лахухихана». На Востоке, впрочем, как и на Западе нечасто можно было встретить поэтов, подобных Лахути, которые не только страстным словом воспедали идеалы социальной справедливости в обществе равноправия и братства, но и с оружием в руках, рискуя жизнью, непосредственно боролись за их утверждение.

Чтобы вникнуть в суть идейной позиции Лахути, прежде всего, следует обратиться

к его стихам — страстным, пламенным, убеждённым, которые звучат как программа одухотворённой жизни, кипучей деятельности и непримиримой политической борьбы поэта.

Особо хочется сказать о воззваниях и прокламациях Лахути, с которыми он как предводитель восстания лично обращался к жителям городов и селений, — они преисполнены большой ответственности за судьбы Родины и народа. К примеру, после победы на первом этапе восстания, он обратился к жителям города Тавриза: «Уважаемое население города и все соотечественники! Наша, патриотов Родины, главная и единственная цель — это независимость нашей дорогой страны и

которой он лелеял в своем сердце, а вслед за ним и весь трудовой люд Ирана. «В рабстве жить, чтобы продлилась жизни нить, не надо...» — писал он.

Но в сложной обстановке меняющегося мира корабль чаяний алчущего торжества справедливости и правды Лахути так и не достиг берега надежды, и поэт полностью отдался служению первой в мире стране равноправия и братства — Советскому Союзу. В то время он уже пользовался известностью и уважением в высоких политических кругах и мог бы по своему усмотрению свободно жить в любом конце этой бескрайней страны. Но, как признаётся сам Лахути в рукописной «Автобиографии», «тяжелая участь поэта, оказавшегося

ред таджикским народом неоспоримы, это подтверждается и стихами, посвящёнными замечательным людям таджикской земли, и его перепиской с ними. Чего стоит одна переписка с устом Айни! Преисполненные искренности, взаимного уважения, обоюдной заинтересованности по всем вопросам, в том числе и бытовым, лишённые вычурности и фамильярности, письма эти читаются как стихи или отрывок из душевного восхитительного произведения. «Я по работе тесно связан с Центральным комитетом, — пишет Лахути. — Часто там бываю. Если у Вас есть какие-то затруднения, сообщите, я постараюсь уладить. Если будете в Москве, моё жилище считайте своим».

обеспечение достойной жизни соотечественников. Поскольку ответственность за безопасность города лежит на нас, с воинской честью прошу каждого не предпринимать действий, противоречащих общей дисциплине и нарушающих спокойствие жителей. Никто не имеет право на посягательство. Если кто-либо из числа военных посягнёт на чьи-то права и совершит неправомерные действия, будет строго наказан. Да здравствует Иран и да незбылемыми будут свобода и независимость Родины!»

Человеческое величие Лахути и благородство его души во всей полноте проявились в дни печального конца подавленного восстания, что, как свидетельствуют источники, случилось из-за предательства тех, кто обещал поддержку. У Лахути было лишь два выхода: продолжить борьбу и героически погибнуть вместе со своими товарищами или прекратить сопротивление и, отступив, дать соратникам возможность сохранить свои жизни. Лахути выбрал второй путь и вместе со своими товарищами нашёл прибежище в Советском Союзе, но перед этим, стоя на берегу бурного Аракса и зная, что за повстанцами идёт погоня, твёрдо заявил: «Я не сдвину с места, пока на тот берег не переправится последний мой боец».

Заветной мечтой Лахути было то, что при поддержке советского государства он вновь вернётся в Иран и продолжит борьбу против подкупленного западными империалистами шахского режима. По свидетельству одного высокопоставленного советского офицера, во время его служебных командировок в иранский Азербайджан, он не раз становился очевидцем любви и верности местного населения к Лахути. Простые люди долгое время искренне верили, что Лахути возвратится и вызовет их от шахского гнёта. В это верил и сам поэт, надеялся, что наступит день, когда свершится революция, мечту о

вдали от родного края, от своих единокорных соотечественников. И когда я узнал, что есть республика под названием Советский Таджикистан, где творения Фирдоуси и Саади читают и чтут, как в моём Иране, я попросил партию, чтобы меня направила туда».

Лахути, как и подобает самозабвенному поэту, в Таджикистан прибыл с открытым сердцем, навсегда связал с республикой свои чаяния и оставшуюся жизнь, искренне провозгласил её своей второй Родиной и также искренне воскликнул: «Надежда светлая души взволнованной моей». Позже он скажет: «Я люблю таджиков и их столицу — Душанбе, как свою Родину, и никто не в силах погасить огонь любви, которую я питаю к таджикскому народу».

Однако кипучая энергия Лахути требовала действий. И он, слившийся в едином потоке с таджикским народом и, что называется, засучив рукава, с сыновней преданностью стал бороться за процветание этого края, за образование равноправной республики Таджикистан, за укрепление культурных устоев, написал текст первого Гимна Таджикской ССР. За свой подвижнический труд Лахути был награждён самой высокой наградой — орденом Ленина. Словом, он сделал всё что мог для процветания ставшего ему родным Таджикистана.

Казалось, за какую бы работу ни брался Лахути, она ему была по плечу. Поэтическое творчество автора обогатило современную таджикскую литературу разнообразием жанров. Например, его перу принадлежат первые либретто на таджикском языке, в которых нуждались вновь образованные театры. Лахути стал первым переводчиком на таджикский язык произведений Шекспира, Пушкина, Грибоедова и других.

Степень уважения человека к тому или иному народу, к той или иной культуре можно определить и по его отношению к конкретным людям. Заслуги Лахути пе-

Человек большого сердца, Лахути беспокоился не только о личной неприкосновенности Садриддина Айни, на что в то непростое время были основания, но и побуждал его беречь здоровье и братья за новые труды, интересовался его семейством и его заботами, оказывал финансовую помощь, содействовал публикации книг, обращал внимание на, на первый взгляд, второстепенные вопросы.

Единомыслие, взаимопонимание, дружба и симпатия у Айни и Лахути были неизменно обоюдными. Об этом свидетельствует такой факт, что в одну из поездок Лахути в Самарканд, когда по какой-то причине поезд прибыл с большим опозданием, Айни, никогда не нарушавший свой рабочий режим, трижды лично выезжал на вокзал, чтобы встретить и обнять преданного друга.

Надежда светлая души
взволнованной моей —
Таджикистан! О сила рук,
о свет моих очей!
Отечество моих трудов,
моей любви приют,
Где вдохновенье и весна
в груди моей поют!

Эти слова из стихотворения, посвящённого Таджикистану, сыновнюю верность к которому Лахути сохранил до конца своей светлой жизни. И умирая в Москве, завещал, чтобы в случае, если в обозримом будущем пролетарская революция в Иране не победит, его прах был предан таджикской земле.

Лахути и сейчас один из самых любимых и читаемых поэтов в Таджикистане. Он навсегда останется в животрепещущей поэзии и в благодарном сердце народа второй своей Родины.

Перевод с таджикского
Мансура Суруша

Владимир МУССАЛИТИН

Поездка в Спасское

глава из романа «AVE MARIA»,

который готовится к выходу в свет в издательстве «Художественная литература»

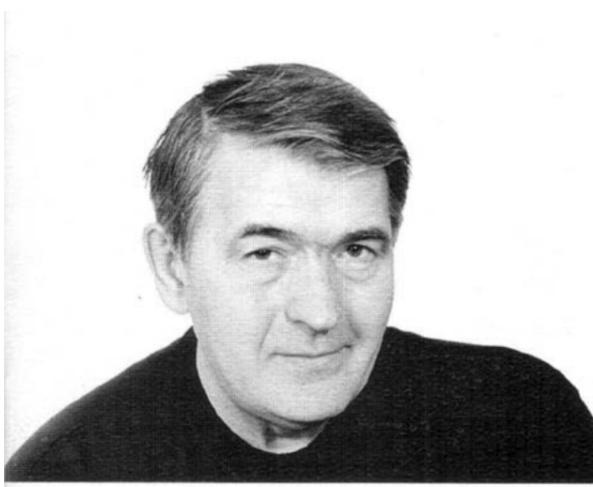
Генерал Зубков имел давнюю привычку вставать вместе с солнышком. Точнее, не позже шести, как это и водится у тех, кто жизнь свою связал с армейской службой. Если просыпался раньше, всё равно не давал себе зря залёживаться. Вставал быстро, решительно, разминал полусонное тело знакомым армейским комплексом, который и теперь не был в тягость, несмотря на полновесных шесть десятков лет. Энергично проделывал все упражнения, затем переменный бодрящий душ. Привычная чашка овсянки, бутерброд с сыром-колбаской, крепкий кофе. И — вперёд.

Сегодня он поднялся в пять, чтобы успеть до того, как начнёт припекать июльское солнышко, преодолеть большую часть пути, непременно миновать Чернь, а там до знаменитой тургеневской усадьбы рукой подать... Нынешняя дорога лежала именно туда, в усадьбу Ивана Сергеевича, который, признаться, нравился Зубкову больше других писателей. Из отечественных именно Тургенев. Из зарубежных — Хемингуэй. Нравилась оба автора тем, что в них чувствовалась настоящая мужская жилка, если не сказать точнее, мужицкая сила. Да и как не нравиться. Оба были по-мужски красивы, да и жили красиво, любя всё живое, природу, по-настоящему предаваясь тому, что заложено в мужскую натуру — уметь прекрасно охотиться, преследовать, а затем и добыть дичь, какой бы ловкой и стремительной та ни была. Будучи неплохим охотником, генерал ценил эту страсть и у других.

Увлечение великих писателей было Зубкову сродни, более того, он чувствовал с ними самую тесную, кровную связь, будучи уверен, что и тот и другой имели — не могли не иметь! — отношение к его профессии. Правда, в официальных источниках он пока что не нашёл доказательств своим предположениям. Однако у Зубкова были основания полагать, что оба писателя состояли в той потаённой драгоценной касте резидентов (или как её там не обозначить), так и оставшихся нераскрытыми до своего последнего часа. Что Хэм с его странствиями из одной страны в другую, что Тургенев с его непоседливым образом жизни, с постоянными разъездами по стране и за рубежом...

Зубков часто раздумывал над судьбой именитого соотечественника. В чём-то даже сочувствовал ему, но кое за что в душе и корил. К примеру, за то, что такой мудрый, видный, уважаемый во всех отношениях мужчина, вместо того чтобы себя на родине увлечь достойной особой, выбрал заграничную гусыню, которую, по мнению генерала, уж красивой никак нельзя назвать. Эх молодость-молодость... Да и что было спросить с двадцатипятилетнего щёголя, повесы, даже в известной мере донжуана, неспешно процеживающего во время долгих прогулок вдоль парижских бульваров довольно-таки заинтересованные взгляды встречных дам. Да и как было этим дамам не засмотреться на почти двухметрового красавца отличного телосложения в добротном пригнанном дорогом костюме с искрой?

Это когда ещё встретится Ивану Сергеевичу Мария Гавриловна Савина? Когда ёкнет сердце седого льва, изрядно потрепанного жизнью и всевозможными житейскими обстоятельствами? Когда? Почти на склоне лет. Тогда уже позади останется и швея, недолгие отношения с которой так некстати осложнили его жизнь рождением девочки Пелагеи, которая, осознав свои права, вдруг решит побороться даже не столько с отцом, сколько

с той бесовской колдуньей-полукровкой, обворожившей добропорядочного человека и отодвинувшей её мать, пусть скромную швею, от родного отца, всемирно известного писателя...

Жаль, жаль, что так поздно встретила Ивану Сергеевичу Мария Гавриловна Савина. Очень жаль... Но и спасибо, что встретила. Хоть на самую малость, да согрела душу старого человека, который вынужден был в одном из писем признаваться, что остался на краешке чужого гнезда. И чего стоило подобное откровение при его-то гордыне! Для Ивана же Сергеевича женщине на свою невесёлую стариковскую долю. Хотя какая там старость! При этой неожиданной мысли Зубков несколько даже оторопел, прикидывая годы жизни классика. Тому же Ивану Сергеевичу было отмерено всего шестьдесят четыре, а ко времени встречи с Савиной ему ещё и шестидесяти не было...

Что же до связи Тургенева и Виардо, то Зубкову многое казалось сомнительным в этих романтических отношениях. И сомневался долго, до тех самых пор, пока не допустил мысли, что Полина Виардо, без сомнения не на шутку влюблённая в русского богатыря и кудесника слова, могла преспокойно поработать на него и как на резидента, разумеется, даже не подозревая этого... Для Ивана же Сергеевича, если допустить версию, что он работал на соответствующую российскую службу, Полина оказалась весьма ценной находкой. Прекрасно играет и поёт, свободно владеет испанским, французским, вращается среди влиятельных деловых людей, затем охотно за чашечкой кофе или бокалом шампанского, которое обоим не противопоказано, невзначай одаривает своего замечательного во всех отношениях русского друга столь необходимой и полезной информацией...

Могло же быть так? Могло... Известно, чем закончился для Франции 1812 год. Но известно также и то, что серьёзное поражение долго не забывается тем, кто потерпел его. И правитель, и государство, проигравшее в войне, всегда ищет да и будет искать отмщения, чтобы отплатить за горькое поражение, за выпавшие страдания... Победителю же, что, к сожалению, не всегда берётся в толк, нужно держать уши на макушке. Надо иметь надёжную сеть информаторов...

В той же биографии Ивана Сергеевича присутствует короткая запись, что тот недолгое время работал в Министерстве внутренних дел. А дела внутренние, как правило, тесно переплетены с внешними. Как, к примеру, объяснить тот факт, что после службы в министерстве у молодого и не болно богатого человека из

провинции (матушка Варвара цену денежке знала и не позволила бы так беспечно транжирить копейку) следуют разъезды за разездами. И всё по странам Европы. Что он там и для кого искал? И что в конечном счёте нашёл?

Однако сколь много тайн так и останутся тайнами на веки вечные, которые никому не дано разгадать...

— Никому и никогда, — выдохнул с особым чувством изумления Зубков, спокойно пройдясь

казанками пальцев левой руки по слегка приспущенному боковому стеклу.

То, что сделал Тургенев как выдающийся литератор давно и хорошо известно просвещённому миру. А что принёс он на алтарь своему Отечеству как облечённый тайными полномочиями, о которых и положено-то знать лишь единицам да возможно одному лишь Всевышнему, можно лишь догадываться.

Но даже если отвести предположение о причастности Ивана Сергеевича к службе, которая занималась внешней разведкой, всё равно не может не изумлять, сколько времени, трудов и забот отдал он, чтобы, по его же признанию, сделать творения русской культуры достоянием всего цивилизованного мира. А всё интересное, созданное западными современниками, имеющее хоть какое-то значение для прогресса, дальнейшего развития культуры, сделать достоянием русского читателя и зрителя... И как же было Ивану Сергеевичу не войти в тот «кружок пяти», стать равноправным его членом, сидеть за одним столом и вести непринуждённые беседы с такими знаменитостями, как Доде, Флобер, Золя, Гонкур и впоследствии примкнувший к ним Мопассан, объявивший себя учеником господина Тургенева...

В этой поездке, как и в прежних, Зубков сопровождал старший офицер Быков, отличавшийся от других подчинённых своей постоянной молчаливостью, даже если не сказать угрюмостью. Быков был из той людской породы, из которой при всём желании лишнего слова не только не вытянуть, но и выбить невозможно. Да и славно! Даром что ли говорится: молчание дороже золота. А это качество для тех, кто числится по их ведомству, пожалуй, самое главное.

Ещё сядя в машину, крепко сработавшую, с отличным форсированным движком «Волгу», Зубков по давней привычке намеревался разместиться на переднем сиденье, рядом с водителем, капитаном Бурматовым, но старший офицер Быков упредительно открыл заднюю дверцу позади водителя, тем самым молчаливо напомнив о соблюдении требования, которое с недавних пор, а именно после гибели первого секретаря ЦК Компартии Белоруссии Петра Машерова, было предписано им, высшим должностным лицам страны.

Гибель замечательного человека, доказавшего своё мужество в партизанской борьбе в белорусских лесах в годы Великой Отечественной, а затем и в трудоёмкой послевоенной работе, вытягивая разрушенную республику и так вытравившего её, потрясла многих. Потянула своей неожиданностью, своей непонятностью. Так

не должно было быть. Не могло. Сознание протестовало против этой неоправданной, непредсказуемой гибели. Почему первый человек республики отправился в поездку без машины сопровождения? Почему сел на переднее сиденье рядом с водителем, пренебрегая установленным правилом? И как так случилось, что на пустынной просёлочной дороге перед правительственной машиной неожиданно вырос трёхосный самосвал. Почему? Очень много возникало этих самых «почему?».

А может, и вырос этот самосвал, гружённый доверху колхозной свёклой, потому, что это кому-то было нужно? Зубкова никто не надушил озадачиться этим вопросом. Да и кто бы из сослуживцев, близких друзей по службе, с кем иногда приходилось делиться сокровенным, мог бы заронить подобную мысль? Опасное, весьма опасное предположение, но оно давно уже преследовало Зубкова. А может, кто-то из тех, что числился в резерве на должность первого секретаря ЦК Компартии республики и уже изрядно притомился в этом долготелемом ожидании, мог предусмотреть встречу грузовика, гружённого колхозной свёклой, с правительственной машиной на пустынной просёлочной дороге? А может, это и вовсе не происки заждавшегося соперника?

А быть может, это никогда не высказанная вслух, но верно угаданная мысль самого главного человека в стране, который, конечно же, не мог не думать как о своём преемнике, так и о сопернике, тайно примеряющемся к его креслу? Зачем ему, уставшему от многотрудных государственных забот, вместо того чтобы спокойно спать-почивать в ночные часы, подкармливать прожорливую тварь-бессонницу своими тревогами, сомнениями. Зачем?

Да, дорога есть дорога, раздумывал Зубков, наблюдая за быстро мелькающим за окном пейзажем. Чего только не приключится в дороге... Та же недавняя история с самим генсеком, который нередко любил на досуге порулить, к чему и подбивали томившиеся в бездействии прекрасные авто, одно лучше другого, теснившиеся в генсекском гараже, — подарки коллег из братских партий, ценивших страсть генерального к хорошей машине. Знакомый генерал из «девятки», как-то доверительно обмолвился: такой великолепный линейки, как в гараже генсека, ему доселе видеть не приходилось: «Бьюик», «Порше», «Линкольн», «Мерседес», «Вольво»...

Так вот в тот день генеральный секретарь, ценивший хорошую машину и любящий приличную езду, у себя, на дальней завидовской даче, сел в «Мерседес» — подарок то ли партайгеноссе Эриха Хонеккера, то ли кого-то ещё из немецких товарищей. Народная молва тотчас отозвалась на немецкий презент генсеку. Будто бы на одной пресс-конференции на Западе Леонида Ильича спросили: хорошо ли живётся российской интеллигенции? На что он ответил, что ему только посчастливилось сесть за руль подаренного «Мерседеса», а шахматист Карпов с артистом Высоцким давным-давно на таких раскатывают. И это только в Москве. А страна-то у нас большая. Взять хотя бы Тбилиси и Ереван. Так что оценить широту вкусов нашей интеллигенции весьма непросто...

И вот в тот солнечный сентябрьский денёк сел генсек в свой лазурного цвета «Мерседес» и двинулся по хорошо знакомой дороге в сторону Твери. Ехал нормально, не более восьмидесяти, но машина сопровождения, что шла впереди, совсем некстати стала пыхтеть и водителю пришлось мало позачинать, ну и

генсек — нет бы тоже приостановиться! — видимо, ради куража обошёл машину сопровождения. И чуть ли не на свою беду. Выскочивший из-за поворота раздолбанный «УАЗик» ещё самую малость и влетел бы в генсекский «Мерс».

Вряд ли бы остался невредимым дорогой немецкий подарок, а возможно и наш генсек, ибо на «Мерсе» той защитной брони, что имелась на «членовозе», как прозвали в народе «ЗИЛы», закреплённые за членами Политбюро, не было. Однако наш умелец из «девятки», вмиг оценил обстановку, ударил по газам заартачившейся «Волжанки», с ходу обошёл генсекский «Мерс» и подставил бок своей лайбочки тому «УАЗику». Слава Богу, обошлось без жертв, но тот парень из «девятки» крепко повредил левую руку. Да и вскоре после возвращения из госпиталя был уволен. Не потому, что стал чуть ли не инвалидом, а потому, что оставил без прикрытия того, кого должен был надёжно охранять и беречь от всяких непредвиденных обстоятельств...

Зубков любил дорогу. Нередко, когда подолгу приходилось торчать на службе,

с чальников, с которыми Зубков был знаком со времени прежних своих приездов в знаменитую усадьбу.

При въезде в Чернь Зубков слегка тронул плечо капитана Бурматова, попросив того притормозить у городского рынка.

— Надобно отовариться! — пояснил, выходя из машины, взгляд старшего офицера Быкова.

Тот уже намеревался выйти из машины, но Зубков опередил его, легко соскользнув со своего заднего сиденья, прихватив лёгкую белую кепчонку, озорно приторочив её на затылок. Быков как тень вырос за спиной в белой, как и у шефа, рубашонке, с таким же коротким рукавом.

— Чур, — заметил Зубков, — прежде чем купить, стоит поторговаться. Это же рынок...

Быков согласно кивнул.

Он знал, что Зубкову нравилось заглядывать на рынки-базары, которые в любом большом или малом городе, как считал он, могут сказать о многом. И прежде всего о том, как и чем живут люди. В самом прямом смысле слова. Зубков был убеждён, что свой рабочий день каждый

намеченной цели. Тут Зубков невольно усмехнулся, вспомнив недавний разговор с коллегой из Оренбурга, который сказал, что над зданием известного в стране артиллерийского училища, умудрились водрузить весьма привычный, далеко не новый, более того, примелькавшийся лозунг: «Наша цель — коммунизм». Тоже додумались, где повесить! На артиллерийском училище! Чем тебе не анекдот...

Зубков довольно быстро обошёл рынок, щедро уставленный ягодами и зеленью, и быстро купил, даже не особенно торгуясь, чуть ли не у своего ровесника, пожилого мужика, одетого, несмотря на погожий денёк, в тёплый изрядно затёртый пиджак, добротную корзину вишни. Тут же угостил сочной, спелой ягодой обоих попутчиков, охотно пояснив им, что это будет неожиданным и в то же время желанным подарком его хозяйке, любительнице вишнёвой варенья, как впрочем, и вареников с вишней, которые она весьма охотно и мастерски готовит...

Театрализованный праздник в тургеневской усадьбе прошёл весьма организовано и толково. Без длинных речей.

ещё с первого посещения понравилось это место и то, как там готовили. Больше всего запомнилась местная окрошка. Именно её он и пригласил отведать коллег.

Кафе не подвело. Окрошка была на славу. Лишь один Быков остался равнодушен к ней, зато котлеты по-спасски оценил, аккуратно подчистив подливу корочкой душистого, свежеспечённого хлеба.

День был солнечным, ярким, и Зубков разгуливал по усадьбе в солнцезащитных очках. Не снял он их и присаживаясь на открытой веранде за свободный столик, который тотчас присмотрел и быстро занял Быков, ибо в кафе было многолюдно. Сели они удачно, так что можно было свободно наблюдать и за происходившим в кафе, и любоваться видом на усадьбу.

Присаживаясь за столик, Зубков бросил взгляд на соседей, обратив внимание, что в большинстве своём посетители кафе, как впрочем и участники нынешнего праздника в усадьбе, в основном молодые люди. Уже за окрошкой он почувствовал, что кто-то или что-то мешает ему в полной мере наслаждаться вкусной едой, и, приподняв голову от тарелки, поймал испы-

остро завидовал сослуживцам, то и дело выпархивающим в ближние или дальние командировки. В эту поездку Зубков, признаться, мог бы и не ехать. Было кому из сотрудников местного Комитета присутствовать на мероприятии. Обычный праздник, устраиваемый музеем-заповедником, на сей раз был посвящён и не только-то существенной дате, а именно приезду в гости к Ивану Сергеевичу в Спасское-Лутовиново именитой актрисы Савиной, в честь которой на территории усадьбы по указанию хозяина был вырыт пруд...

Доподлинно было известно, кто приглашён и кто именно ожидается из гостей на запланированном мероприятии. Из иностранцев ждали двух французских лётчиков из эскадрильи «Нормандия — Неман», той самой, которая после освобождения Орла от немцев была сформирована на орловской земле. Лётчики по приглашению местных властей гостили в городе и Спасское-Лутовиново органично вписывались в их культурную программу. В знаменитую усадьбу были приглашены также и болгары из Разграда — города-побратима Орла.

Что до отечественных гостей, то ожидался и первый секретарь обкома партии, и именитый художник, автор исторической диорамы, и некоторые из областных на-

уважающий себя руководитель района или области должен начинать не с просиживания у телефона в ожидании звонков, а именно с короткого визита на тот же рынок или же базар, с беглого взгляда на торговый прилавок... Идеология важна, нужна. Её никто не отменял, но вряд ли она пойдёт впрок голодному человеку.

Правда, от голода народ давно уже не страдает. Но правда и то, что до изобилия ещё далековато. Как, впрочем, и до коммунизма, о котором прежний первый секретарь ЦК, большой поборник внедрения на российские поля кукурузы в известном выступлении на очередном съезде партии заявил, что нынешнее поколение людей будет жить при коммунизме. И эти его слова кое-где поспешили отлить в металл и выставить на всеобщее обозрение.

Какое там нынешнее, дай-то Бог, чтобы внуки-правнуки увидели этот коммунизм... Всё что-то нет-нет, да и мешает приблизить и осуществить эту вековечную мечту человечества. То внутренние, то внешние враги, то иные проблемы. Всё чего-то недостаёт. То большого, то малого. Потому-то стыдливо всё реже и реже с высоких трибун стали говорить о коммунизме, введя в оборот более щадящее выражение, а именно: очередной этап строительства социализма, в который вступила страна в своём продвижении к

Побывав на пруду Савиной, все дружно переместились к музею, выслушав рассказ о новых музейных поступлениях от экскурсовода — миловидной белокурой женщины с мальчишеской стрижкой. Заглянули в дом странника, затем на конюшню, прошлись по знакомой аллее, оформленной в виде римской цифры XIX, которая символизировала век, в котором родился и жил великий писатель.

Зубков по ходу экскурсии успел поговорить и с секретарём обкома партии по идеологии — пожилой женщиной с медлительной, тяжёлой походкой, охотно пояснившей, что присутствует здесь вместо первого секретаря обкома, отъехавшего срочно в столицу. Сумел также перекинуться словечком с известным и уважаемым в городе, да и в России народным художником, прихватившим с собой подарок лично для него — фляжечку его фирменной «курнаковки» — мягкой, прекрасной на вкус водочки, настоящей на почках чёрной смородины. Зубков, разумеется, с благодарностью принял подарок старшего товарища-фронтовика.

Генерал с добрым час побродил по усадьбе, но от званого обеда, на который пригласил директор музея, вежливо отказался, решив перекусить вместе с коллегами в местном кафе, открытом пару лет назад по соседству с писательской усадьбой. Ему

тующий взгляд черноглазого с заметной горбинкой посреди длинного носа слегка облысевшего человека в светло-синей джинсовой курточке. Этот самый черноглазый, сидевший у деревянной резной колонны, смотрел в его сторону несколько вопросительно — так, как смотрит человек, пытающийся ответить на внутренний вопрос: кажется, мы знакомы?

Поняв, что и он тоже попал в зону пристального внимания, черноглазый незнакомец постарался поменять положение за столом, слегка повернувшись к Зубкову спиной. И тут высверкнуло. Так это же Григорьянц! Тот самый, что лет шесть-семь назад был осуждён за диссидентство. Да-да, Григорьянц! Насколько помнится, он отбыл свой срок в мордовских лагерях, тех самых, куда в достопамятном 1957-м был отправлен и первый его подопечный, аспирант МГУ Краснопецев. Правда, тот был историком, а этот закончил журфак. Однако Григорьянц должен сейчас пребывать в Боровске, в сотне километров от столицы, как и полагалось подобным ему. Что же, интересно, он забыл здесь, в Спасском-Лутовиново?

Да, но Григорьянц не один за столиком. Кто же, интересно, рядом с ним? Видна лишь кисть руки, оглаживающая боковину пивной кружки, а когда наклоняется к столу, то видать и покатые плечи, и креп-

Воспоминаний лишних не бывает

о книге Вячеслава Ложко «Непридуманная жизнь. Путь с Востока на Запад»

Когда читал эту книгу, вспомнил фразу Константина Симонова, что воспоминаний лишних не бывает, потому что каждый человек в любом общеизвестном событии может увидеть что-то своё, чего другой не заметит. И тем более в событиях своей жизни, где есть только тебе доступные тайны собственной души о пережитых в разные времена ощущениях: внутренних поисках, потерях, приобретениях и, в конечном итоге, выводах. И если ты умеешь об этом рассказать, то твой рассказ начинает жить уже не зависящей от тебя самостоятельной жизнью, которая вызывает интерес у других, а твои переживания становятся созвучны слушателям или читателям и дают им пищу для размышлений, духовного развития, собственных выводов...

Вячеслав Ложко рассказать умеет. Это давно и широко известно. Сначала многочисленные экскурсанты знаменитого посёлка Коктебель, где он какой-то период работал экскурсоводом, старались попасть именно в его группы, чтобы слышать неповторимые рассказы об истории Крыма, его людях, природе, легендах... Чтобы наслаждаться спонтанно рождающимися афоризмами и остроумными комментариями этого уникального экскурсовода, о чём потом рассказывали близким и просто знакомым, рекомендуя в Коктебеле непременно попасть на экскурсии, которые ведёт Вячеслав Ложко. Потом, когда жизнь привела его в литературу, читатели обнаружили в нём не меньший дар повествовать и письменно. И здесь диапазон рассказов и размышлений многократно увеличился, потому что никакими рамками конкретных тематик уже не был ограничен.

Помимо стихотворений, которые, как оказалось, Вячеслав сочинял с ранних лет, в газетах, журналах, а затем и отдельными книгами стали выходить его проза и публицистика. И всё это вызывало повышенный интерес теперь уже читательской аудитории.

Проза Вячеслава Ложко с самого начала была автобиографической, он щедро делился собственными откровениями, полностью доверяя читателям историю достижений, утрат, прозрений... И думаю, вполне естественно, что в какой-то момент настала пора, когда писатель пришёл к мысли свести эти фрагменты воедино и рассказать о своей жизни уже хронологически.

Книга начинается историей знакомства родителей, которые сыграли очень важную роль в становлении личности будущего писателя. Их встреча состоялась на Дальнем Востоке, где отец служил в трудармии, а мама приехала из далёкого уютного Ленинграда по комсомольской путёвке строить новый город кораблестроителей Комсомольск-на-Амуре. Именно там в марте 1940 года родился мальчик, которого назвали Вячеславом.

Дальше Ложко подробно рассказывает о жизни и быте в этих местах: в коммуналке, на улице, во дворах, школе... Рассказывает ярко, с комментариями уже умудрённого жизнью человека, что даёт давним событиям не только факты как таковые, но и внутреннюю подоплёку, определяемую атмосферой того времени.

Читатель видит, как мальчик вырастает, как появляются у него новые, характерные возрасту чувства, в том числе и к противоположному полу, который занимает видное место в его богатой биографии. Как наступает зрелость, и кто и что влияет на формирование его личности.

Причём, если говорить о его богатой биографии, то Вячеслав Ложко относится к той категории людей, которым судьба уготовала узнать жизнь по обе стороны колючей проволоки. Попадал он туда из-за обострённого чувства справедливости и прямоты характера, чем нередко пользуются люди хитрые, чтобы подставить такого человека. Ну, а поскольку местные правоохранительные органы держали его на заметке, то были рады любому поводу лишить свободы. А на заметке держали потому, что Вячеслав как человек мыслящий не только видел двойные стандарты в образе жизни и действиях властей разных уровней, но и нередко их комментировал во всеулышье. И рассказы о злоключениях автора с представителями Фемиды и о жизни на зоне тоже занимают заметное место в книге. Но Ложко пишет об этом не только как о фактах своей биографии, а главным образом потому, что считает важным сказать: при всех тяготах и уродливых внутренних законах зоны и там можно оставаться человеком.

Вячеслав Ложко прожил уже долгую жизнь. Много повидал в ней разных перемены, которые всегда зависят от того, кто приходит в стране к власти. И рассказывая подробно и откровенно о себе, писатель невольно рассказывает об атмосфере тех времён, в какие довелось жить, об их характерных приметах. В этом тоже немалая заслуга его исповедальной автобиографии, где видное место занимают ещё и спортивные увлечения автора, в которых — особенно в боксе — Вячеслав достиг серьёзных успехов.

Конечно, разговор об этой книге можно вести очень долго, потому что там есть на чём останавливаться подробно и обсуждать разные эпизоды жизни будущего известного писателя. Но поскольку каждый из нас воспринимает прочитанное по-своему: находит что-то близкое своей душе и мировосприятию, то думаю, что лучше просто взять в руки первый том двухтомника, который завершается началом 1980-х и ждёт своего продолжения, и погрузиться в чтение о жизни яркого, талантливого человека Вячеслава Ложко.

Уверен, никто не пожалеет о времени, проведённом за чтением, на мой взгляд, неординарной книги.

Григорий ИСАКОВ

кий коротко стриженный затылок... Нет-нет, это даже весьма забавно. Неужто Михайлов? Зубков даже слегка приподнялся, подавшись вперёд, якобы за солонкой, на самом деле лишь для того, чтобы получше разглядеть сидевшего рядом с Григорьянцем.

Вот те на! — удивился, признав в собеседнике Григорьянца именно Михайлова. И был весьма огорчён этим. Такие вот они, эти самые семейные обстоятельства... О чём они там, интересно, могут толковать? Что заставило этого хренова диссидента притащиться из Боровска в Спасское? Действительно, что? Зубков быстро прокрутил в памяти случившийся в начале мая разговор с Михайловым. Именно тогда всплыло имя Григорьянца. Насколько помнил Зубков, ничего лишнего в том разговоре, который мог бы оказаться полезным Григорьянцу, если, разумеется, Михайлов захотел бы поведать своему собеседнику об их встрече, не было обронено. Ровным счётом ничего.

Зубков окинул взглядом слегка сомлевших коллег, молчаливо кивнул и первым двинулся к выходу из кафе. Солнце по-июльски было щедро. Их чёрную «Волгу» прокалито изрядно. И как только машина тронулась, он приспустил стекло, подставив лицо встречному ветерку, к месту вспомнив и начав негромко напевать любимый тургеневский романс. Правда, до осени ещё далеко. Ещё добрых полтора-два месяца тепла. Но уж там куда не денешься, засентябрят, полёт с небес... И будут, непременно будут и утра туманные, утра седые, будут и размытые осенние дороги, и прятные запахи опавшей листвы, уже слегка тронутые холодными утренниками... Всё будет так, как и заведено в природе. Вслед за летом придёт осень...

А нынешней осенью, если ничто не помешает, он в дни своего долгожданного отпуска навестит Большие Гривны. Те самые, так понравившиеся отцу, что он, помнится, окинув окрестные дали, как бы вобрав их в себя, задумчиво вздохнул: вот, мол, закончится война и хорошо бы поселиться тут. Навсегда...

Да и в какой день загадал это! 13 июля 1944-го... Зубков в деталях, до мелочей запомнил этот солнечный день. Ему наконец-то, на третий день выхода из госпиталя, удалось догнать на марше родной полк. Их с отцом полк, в который был поначалу зачислен отец, ушедший добровольцем в сентябре 1941-го, а затем и он, тоже добровольцем, в октябре 1942-го... Не брали, не верили, что ему полных восемнадцать. И были правы, поскольку ему только что исполнилось шестнадцать. Но Зубков всё равно не усидел бы дома и сбежал, непременно сбежал бы на фронт. И это было ясней ясного военврачу в белом халате поверх шинели, и потому он, устало вздохнув, поставил свою подпись под медицинским заключением о годности к строевой службе...

Это было редкое везение — служить родным по крови людям в одной части. Но за везением этим уже тогда он, рядовой Денис Зубков, почувствовал умысел если не военврача, то секретаря горкома партии, а то и обоих, определив его поближе к отцу, которого они хорошо знали и уважали за его принципиальность, — как бы под присмотр, под отцовскую опеку. Хотя какая там может быть опека. Это обстоятельство, пожалуй, могло служить лишь каким-то утешением для матери, что сынишка её хоть и на войне, но подле родного отца.

Отец мечтал поселиться в этих местах... И поселился. Навсегда поселился в Больших Гривнах, но раньше загаданного срока, почти за год до конца войны. В тот славный солнечный июльский денёк 1944 года, когда довелось свидеться им, их полк буквально через час, снявшись с оборонных, маршевой колонной пошёл вперёд во втором эшелоне наступающих. Пошёл стремительно, совсем не ожидая, что из-за лесной гряды вынырнет «мессер», затем другой, щедро осыпав их осколочными. Один из этих осколков и воткнулся в грудь отца.

«Держись, отец! — только и смог выкрикнуть он, подхватив отца с земли, взвалив на себя, чувствуя собственную слабость,

не успев ещё как следует прийти в себя после тяжёлой операции и почти трёхмесячного пребывания в госпитале. — Отец, держись!» — повторял упрямо, волоча по земле тяжёлое тело. Отец же, теряя силы, всё твердил одно и то же: «Ж...жжж...ааа... аль, ...жжж...ааа...ль...». О чём жалел отец, так и осталось тайной. Ночью он скончался от гангрены в медсанбате. Вот тебе и Большие Гривны...

Как бы там не сложилось с отпуском, осенью он непременно съездит на могилу отца под Большими Гривнами. Поедет с обоими сыновьями. Пусть помнят и знают, где нашёл последний приют их дед, труженик, коммунар, солдат. За что сражался, за что отдал свою жизнь он и тысячи других, подобных ему? За что? Неужели за то, чтобы эта диссидентская шваль позорила родную страну, клеветала на завоевания социализма, на всё то, что дорого им?

Чем недоволен тот же Григорьянец? Тем, что за бесплатно получил образование в лучшем вузе страны? Что имеет прекрасную профессию? Как назвать все эти его словесные выкрутасы в студенческой среде? Все эти тщательно завуалированные описи на околотитулярные темы на страничках областных молодёжных газет. Как? Лишь чёрной неблагодарностью... Однако с Григорьянцем всё понятно. А вот с какого боку-припёку оказался тут Михайлов? Что могло связать их? Что? Лишь то, что когда-то учились вместе в одном универсайте? Или нечто другое? Зубков старался припомнить их тогдашнюю недолгую беседу, прерванную важным звонком председателя Комитета. Мол, учились в одном университете, на одном факультете. Потом, когда Григорьянцу некуда было пристроиться, позвал к себе в газету. Но тут ничего предосудительного нет. Или всё же нечто большее связывает их? Но тогда что именно?

Вообще-то досадно будет, если он просчитался с Михайловым. Весьма досадно. Хотя кто из них застрахован от всевозможных ошибок? Кто?

Кстати или нет, неожиданно вспомнился генерал Серов, на которого в конце пятидесятых смотрел восхищённо, как на истинного героя, да он и был таковым, пройдя войну, честь по чести заслужив золотую звёздочку Героя. И спокойно бы закончил свою службу, а уйдя на покой, охотно бы делился со школьниками или теми же курсантами богатыми воспоминаниями. Так нет же, споткнулся... И ни тебе золотой звёздочки Героя, ни генеральской папахи... Лишили в одночасье. И всё из-за говённого «пня», как прозвали у них, на Лубянке, эту скотину Пеньковского.

Вообще, если хорошенько пораскинуть, так ли уж и виноват генерал Серов? Не он же притащил «пня» в Комитет, не он же рекомендовал его на службу в органы. Был другой человек повыше Серова. Тоже отмеченный звёздочкой Героя, но уже с маршалскими звёздами на погонах. У кого в ординарцах и бегал когда-то этот «пень»...

Не один об этот говённый «пень» споткнулся... Не один. А сколько эта тварь задала работы всему Комитету... И тому управлению, что занималось резидентами, и тому, что оберегало нелегалов. Сколько было засвечено того, что никогда не должно было засветиться. Да и потом как всё это сказало на климате самого Комитета! Друг другу перестали доверять... Да честно сказать, и по сей день это недоверие ощущается. Хотя уже третье поколение чекистов сменилось.

Нет-нет, никакому предательству не может быть ни малейшего оправдания. Никакому и никогда! За этими, как показало Зубкову, недолгими размышлениями о жизни и службе он и не заметил, как вкатились в столицу, миновали Земляной Вал и двинулись к центру города — разумеется, первым делом на Лубянку, хотя бы на четверть часика, а там как сложится. Он любил свою непростую службу, которая редко давала покой.

— Пожалуй, эта служба тебе дороже, чем я? — временами замечала супруга. Правда, говорила подобное лишь в первые годы замужества. Теперь же, на сороковом году супружеской жизни свыклась и перестала упрекать и подтрунивать.

Бати БАЛКИЗОВ родился в 1948 году в с. Верхний Куркужин Баксанского района Кабардино-Балкарской Республики. После окончания средней школы служил в Советской армии. Уволившись в запас, поступил на работу в МВД и отдал органам внутренних дел более 27 лет жизни. Вышел в отставку в звании майора. Государственную службу сочетал с активным занятием поэтическим творчеством, заочно окончил Литературный институт им. А.М. Горького (поэтический семинар В. Фирсова). Выпустил пять книг стихов на кабардинском языке. В переводе на русский его стихи печатались в журналах «Молодая гвардия», «Аврора», в «Российском писателе», в сборнике современных поэтов Северного Кавказа «Созвездие родственных душ», в республиканских СМИ. В 2017 году издательство «Российский писатель» выпустило книгу стихов Бати Балкизова на русском языке «Светильник в сердце», переведённую Валерием Латыниным.

Бати БАЛКИЗОВ

ЯВЬ

поэма

1.

Если Ева с Адамом нас всех сотворили,
А планета Земля — наш родительский дом,
Чтобы в нём мы семьёй, крепко спаянной, жили,
Так зачем же родителей мы предаём?

Так зачем предаём изначальное братство,
Чтобы ради корысти и ложных идей
Меж собой в страшных войнах веками сражаться,
Убивать бесконечно таких же людей?!

Почему с добротой человеческой рядом
Подвизается зло на житейском пути,
Чтоб дубиной ли, пикой, разрывом снаряда,
Уничтожить добро, навсегда извести?

Эти мысли однажды пришли, обжигая.
Я лежал на луту, утомившись от дел,
Средь знакомых угёсов отцовского края
И в бездонное синее небо глядел.

В чистом небе весеннее солнце пылало,
Бесконечностью космос безбрежный дышал.
И чего-то неясного вдруг возжелала,
Отрешившись от суетной жизни, душа.

В этот миг в небе, будто окошко открыли,
Подключили какой-то волшебный экран —
Перед взором картины былого поплыли
Из историй различных народов и стран.

2.

Вот возник в небесах Александр Македонский,
На полмира кровавый оставивший след,
И командует громко невидимым войском,
Тем, которого нет уже тысячи лет.

Словно гром, раскатилась команда в зените.
По душе хлестанула словесная плеть.
Застит солнечный свет над землёй предводитель,
Сеет ужас и страх, поощряя лишь смерть.

Видно, царского титула воину мало.
Он мечтает божественный ранг обрести,
Чтобы крепкой рукой и разящим металлом
В подчиненье себе всех людей привести.

За царём шлейф космической пыли курится.
В тело неба вонзает воитель копьё.
А когда понимает, что планам не сбыться,
Как все смертные, слёзы обидные льёт...

3.

Дунул ветер, с экрана подвинул эпоху,
И в окне персонаж появился иной,
Он когда-то мечтал тоже равным быть богу,
Римский Цезарь Гай Юлий — мудрец удалой.

Он пустынное небо глазами обводит,
Но вокруг ни единой души не найдя,
Вопрошает, слова забывая, как гвозди:
— Убивать разве можно такого, как я?!

Долго смотрит на землю, где дети резвятся,
Где всяк сущий народ день грядущий творит,
И, не в силах от жизни земной оторваться,
Размышления вслух сам себе говорит:

«Боже мой, на Земле нет ненужных народов,
Не случаен на ней ни один человек.
Разве можно простить тех, кто повод находит,
Чтоб людей истреблять, множить сирот, калек?»

— Эй, земляне! Послушайте Цезаря, люди!
Дорожить мирной жизнью обязаны вы,
И вожжи — те, что славу безмерную любят,
И земных удовольствий и денег рабы.

Бог людей создаёт, чтоб добром дорожили,
Умножали творенья земной красоты,
Чтоб любили друг друга, по совести жили,
Не сжигали к надеждам и правде мосты.

Лишь творящим добро бог всегда благодарен,
Их благие дела непременно учтёт,
И, быть может, вторым воплощеньем одарит
И в обличии новом на Землю пошлёт.

Те ж, кто кровь человечью безжалостно лили
И по трупам рвались богу равными быть,
Станут просто ненужной космической пылью
Или будут, как я, одиноко бродить...

4.

Звездопад пролетел, образ Гая стирая,
И экран передвинул эпохи опять.
Показался костёр, искр шлея золотая,
У костра две согбенных фигуры сидят.

Я в одном узнаю силуэт Бонапарта.
Явно Гитлер — другой.
Как сошлись они тут?
Откровенно скажу —

очень странная пара.
Всё не могут согреться и русских клянут.

Только им не до слов —
Стая душ налетела,
Стала жалить,
Как пчёл растревоженный рой.
Вечный страх стал воителей этих уделом,
Позабыли они, что такое покой.

Бонапарт от меня жалких слёз не скрывает.
Плачет Гитлер, скулит он ночи, и дни.
Мстят им души убитых, везде настигая,
Тех солдат, кого в войнах стубили они...

5.

Распался экран, вновь картинку меняя.
И, раздвинув века, как занавес портьер,
Появился, стихами мой слух улаждая,
И на лире играя, почтенный Гомер.

Сладкозвучная песня народы пленяет,
Воспевая героев Троянской войны.
Но жалеет поэт, что в боях погибают
Цвет и гордость одной и другой стороны.

И поэтому он вопрошает сердито,
Адресуя богиням нелёгкий вопрос:
— Посмотрите сюда, Гера и Афродита,
Пали те, кто вам славу и почести нёс!

Кто Парису сказал, чтоб похитил Елену?
Афродита, не ты ли совет подала?
Слишком много на корм вороны и гиенам
Человеческих тел ты легко обрела!

Жизни смертных людей вам доверены, боги!
Почему ж вы так мало печётесь о них?
Коль виновен один, вы караете многих,
Только в чём же вина сотен тысяч других?

Неужели людей на Земле стало много,
Что нести этот груз утомительно ей,
И Елена является только предлогом,
Чтоб уменьшить количество лишних людей?

Эх, троянцы, троянцы!
Зачем красть невесту,
Чтоб потом потерять всё отечество вам?!
Разрушают твои города и предместья,
Жгут и грабят страну твою,
бедный Приам!

Понимая, что слишком огромную цену
За её красоту запросила война,
Безутешно о павших рыдает Елена.
Но её ли в кровавом безумстве вина?!

Ахиллес разметаёт «троянские тучи»,
Гибнет каждый, кто против героя встаёт.
Страха смерти не ведает воин могучий
И всё рвётся по трупам вперёд и вперёд.

Атакуют, как зверь, неприступную Трою,
Поле боя залито кровавым дождём.
Боги, боги! Сдержите порывы героя,
Успокойте звериную ненависть в нём!

Умолкает космический голос Гомера,
Стихла лира поэта на сцене небес.
На мгновенье свеченье экрана померкло,
И великий рапсод в бездне неба исчез.

6.

Но на смену шагнул Архимед с небосклона —
Гениальный учёный с тростинкой в руке,
Он как раз размышлял над каким-то законом
И вычёрчивал знаки на влажном песке:

«Вот тропа, что ведёт на вершину познания,
Будут люди идти здесь один за другим,
Обретая на горнем пути пониманье,
Что без общей поддержки не выдюжить им.

И чем выше к вершине поднимутся люди,
Тем значительно выше взлетят их мечты,
Ведь пока пик познания достигнут не будет,
Лишь частично окрестные дали видны.

А с вершины откроется взгляду пространство,
Что всех сущих людей на земле единит,
Здесь ясней понимаешь значение братства
И сильнее стремишься в согласии жить.

Через это пространство ведут две дороги,
Пусть концы судьбоносных путей не видны,
Но один к процветанью приводит в итоге,
А второй — к истреблению в горниле войны.

Если люди все вместе приложат усилия
И ведущую к счастью дорогу найдут,
То тогда остановят безумье насилия,
И порядок на нашей Земле наведут.

Но найти верный путь — не из лёгких задача,
Слишком много умов искорёжило зло,
И смысл жизни своей они видят иначе...
Много их по дороге в погибель ушло.

Что же станет с людьми, если выберут бездну?
Погоди-ка, чудак,
ведь ты знаешь ответ,
И тебе, как и многим учёным, известно,
Что заблудшим народам спасения нет!

Этот путь не однажды уже выбирали.
Поглотила безумцев кошмарная жуть.
Но по той же дороге потомки шагали...
Новых жертв и сегодня чудовища ждут.

Ну, а те, кто случайно сумеют остаться
Уцелевшими среди круговерти смертей,
В одичавших людей на Земле превратятся,
Чтобы снова начать размножаться на ней».

Опечален мудрец безысходностью этой,
Неизбежностью самоубийства людей.
Он рисует задумчиво нашу планету
И веками горящие звёзды над ней.

Вдруг учёный чему-то в усы улыбнулся
И воскликнул:
— Я дам указатель пути!
Чтоб развития круг
Вновь на смерть не замкнулся,
Люди, я помогу вам дорогу найти!

В этот радостный миг появляется воин —
Грозный варвар, в руке —
окровавленный меч.
Архимед несуразностью обеспокоен,
Он ведь жизнь всех людей собирался сберечь.

— Боже мой!
Этот страшный посланец откуда?
Я ж нашёл сохранения народов секрет
И собрался открыть
бесконфликтный путь людям,
Но убийца является в этот момент!

Замахнулся сомнений не знающий воин —
Что ему старика неизвестного жизнь?
Архимед лишь неловко прикрылся рукою,
Прокричав напоследок:
— Не тронь чертежи!

Сталь клинка просверкала в мгновение это
И в крови мудреца захлебнулись слова,
Отлетела его голова на планету,
На рисунке кровавые звёзды зажгла.

7.

Задрожала земля, и завихрилось время,
И другая картина предстала глазам:
Я увидел людей —
Первобытное племя
Озиралось испуганно по сторонам.

А вокруг — целофизисы и крокодилы,
Кровожадные стаи другого зверья.
Вид планеты какой-то дремучий,
унылый,
И запятнана кровью повсюду земля.

Не могу это видеть!
Рукою толкаю
Очертанья экрана. Мне кровь не нужна!
Как помехи,
века перед взором мелькают,
И опять на экран выползает война!

Но такой не бывало на нашей планете.
Видно, время промчалось куда-то вперёд.
Будто стрелы от молний,
летают ракеты,
Полог ядерной пыли закрыл небосвод.

Бомбы атомным градом везде опадают.
Смертоносный идёт над Землёй звездопад.
Города и народы в огне исчезают,
И планета Земля превращается в ад.

Вижу в этом огне силуэт человека,
Он проклятия шлёт непонятно кому.
Страшно корчится в адовых муках калека,
Но спасись даже Бог не поможет ему!

8.

Снова с силой экран в небосводе толкаю,
Не успеваю разобраться — вперёд ли, назад.
Вновь на смену приходит эпоха иная,
Над Землёй пыль и пепел по ветру летят.

От палящего солнца вода закипает
И бурлит в водоёмах, как будто в котле.
Запах смерти и тлена повсюду витает,
И не видно людей и зверья на земле.

Нет, один человек появляется всё же,
Выползает с трудом из пещеры на свет.
Видно: голод и жажда несчастного гложут,
Жадно мокрую глину прибрежную ест.

Горемыку, как пьяного, ветер шатает.
Он измучен, нет силы уже никакой,
А к нему две огромных змеи подползают,
Оплетают мгновенно, как столб верстовой.

Не под силу несчастному сопротивляться,
Рухнул он, как подкошенный, тело дрожит.
Человека убив, змеи начали драться!
Меж собою не могут его поделить!

9.

Чёрной буркой экран закрываю в обиде —
Не выносит душа погружения в ад.
Не могу, не желаю подобное видеть,
Как ползучие гады над нами царят!

Только разум людской
на Земле должен править,
Дети Евы с Адамом в согласии жить,
Мы обязаны дом наш потомкам оставить,
Все народы и расы в семью единить.

Посмотрите на небо, все люди планеты,
Сколько звёзд в ледяной загораются мгле?
Их, наверное, столько же в небе нам светят,
Сколько видим песчинок на нашей Земле?!

Миллионы планет существуют над нами.
А точнее пока не сумели их счесть.
Есть и солнца свои над другими мирами
И, наверное, жизнь нам подобная есть!

Если мы наш небесный ковчег уничтожим,
Если общими силами не сбережём,
Во Вселенной о нас и не вспомнят, быть может,
И, возможно, совсем не узнают о том!

* * *

Эту горькую песню о жизни слагая,
Поднимается в небо, к Гомеру, душа,
Чтобы, рядом с великим поэтом летая,
Наблюдать с высоты, что там люди вершат.

С высоты удивительна наша планета,
Хоть её тяготят арсеналы ракет,
Но она ещё светится сказочным светом
И прекрасней планеты в Галактике нет.

А за нами с Земли Архимед наблюдает,
Его лик сохранился в эпохах лихих,
На губах под усами улыбка блуждает,
Он внимательно слушает наши стихи.

Ему равный учёный не скоро родится,
Чтобы к счастью дорогу землянам открыть,
Чтобы так же, как он, неустанно трудиться,
До последнего вздоха науке служить.

Может, годы пройдут до его появления,
А быть может, пройдут ещё тысячи лет...
Но я верю, и нет ни на йоту сомненья,
Что родится опять на Земле Архимед!

Он родится и выведет к счастью народы,
Если новая мерзость его не убьёт!
А пока же манкурты в толпе верховодят,
И всемирное зло непомерно растёт.

Неразумные дети Адама и Евы,
Позабывшие голос добра и любви,
Выжигают тротилом людские посевы,
Топят братьев и сами же тонут в крови!

Люди, люди!
Одумайтесь, милые люди!
Пусть души моей крик потревожит и вас:
— Неужели мы нашу планету погубим,
Чтобы в страшных мученьях

бесследно пропасть?!

Перевод с кабардинского
Валерия ЛАТЫНИНА

Сильный не только интел- лектом, но и физически, он не родился кабинет- ным учёным. За несколько лет до прихода в палеонтологию Ефремов сдал экзамен на штур- мана каботажного плавания и работал матросом в Тихом океане. Кто знает, остался бы он моряком, если бы не счаст- ливый случай — знакомство с учёным? Академик П.Сушкин убедил его оставить морское дело и пойти в науку.

Уже первые экспедиции препод- несли Ефремову неслыханные по- дарки: он второй человек на Земле, обнаруживший ящера — ветлуго- завра. Урал, Сибирь и Дальний Вос- ток интересовали его больше других регионов. За публикацию монографии по анатомии лаби- ринтодонта в соавторстве со своим учителем, профессором Алексеем Быстровым он удостоен почётного диплома Линнеевского общества. В 33 года — уже доктор наук!

Но спустя два с небольшим ме- сяца после защиты диссертации Ефремов вместе со всей страной по- грузился в атмосферу Отечествен- ной войны. Учёный попал в эвакуа- цию в Киргизию. Там ждало новое испытание, словившее бы любого другого на его месте. Имя ему — лихорадка тифозного типа. Невидимый враг приковал Ефремова к постели и на всю жизнь парализовал его сердце. Невозможность полноцен- ной работы угнетала мыслителя, чей мозг голодал без интеллекту- альной нагрузки. Но именно тогда включилось воображение: теперь он мыслил уже не аналитически- ми информационными блоками, а художественными образами. Так появились на свет первые рассказы Ефремова о его экспедициях — на стыке документального повество- вания и вымысла. За год их было опубликовано более десятка.

Ефремов вступил в литературу в то время, когда многие писатели соревновались друг с другом в силе фантазии, предсказывая будущее человечества. Зачастую оно пред- ставлялось им мрачным. Даже та- кой как Айзек Азимов видел в буду- щем прежде всего перенаселённую Землю, людей-роботов, запертых в клетках квартир, находящихся в не- боскрёбах, питающихся синтетиче- ской пищей и разделённых на мно- жество социальных каст. Подобной мрачной сатиры на рыночную ре- альность, проецируемую на «обще- ство будущего» придерживались и другие писатели-фантасты: Роберт Хайнлайн, Меррей Лейнстер, не го- воря уже о классике жанра научной фантастики Герберте Уэллсе.

Ефремов вступил в полемику с авторами, которые рисовали буду- щее человечества мрачным цар- ством стальных машин и людей, расчленившихся на экономические группы с разными правами и раз- ным статусом. С появлением на книжных прилавках «Туманности Андромеды» французский критик Жан Вердье заявил, что правомерно говорить о двух оппонировавших друг другу ветвях художественной фантастики, — русской и англо- американской.

«Мой роман, — писал Ефре- мов, подразумевая "Туманность Андромеды", — полемизирует с некоторыми вещами Уэллса, особен- но с его "Машиной времени", где нарисована пессимистичная картина затухания и измельчания человечества. Конечно, с Уэллсом я не только полемизировал, но и учился у него мастерству, искусству фантастики. В частности, его роман "Люди как боги" явился для меня своего рода отправной точкой. Так

я задумал идейную альтернативу — "Туманность Андромеды"». Одно- временно Ефремов оппонирует и философу-социологу А.Богданову-Малиновскому, который в романе «Красная звезда» создаёт образ человека будущего, сформировав- шегося под влиянием социалисти- ческих образцов. Это уже другая крайность — персонаж, лишённый индивидуальности, сдерживаю- щий свободу творческих порывов при помощи самопринуждения, он обязан личное подчинять инте- ресам страны и аскетически, жерт- венно ориентироваться на благо общества.

Ефремов, учитывая две эти кари- катурные крайности в фантастиче- ском представлении человека буду- щего, пробует создать собственную реальность, ориентированную на позитивные стороны человеческой личности. У писателя появляется литературный и идеологический союзник — Александр Беляев, ко- торый, размышляя о человеке бу- дущего, пишет такие позитивные произведения как «Подводные зем- ледельцы», «Лаборатория дубль- вэ», «Под небом Арктики».

Литературные критики, анализи- руя фантастику Ивана Ефремова, никогда не учитывают важнейше- го факта, что в литературу он при- шёл из палеонтологии. Между тем уникальность романов писателя определяется именно интеллектом биолога, и чтобы понять и оценить в полной мере проблематику его произведений, нам нужно выка- рабкаться из шкуры филологов и обратиться к междисциплинарно- му подходу.

Как биолог Ефремов изучал два базовых подхода к эволюционным стратегиям: теорию ароморфоза и идиоадаптации. Первая предпола- гает независимость развития вида от меняющихся условий среды, а вторая, напротив, направлена на приспособление к ним. Палеонто- логические экспедиции Ефремова вынуждали пристально, в прямом смысле слова через лупу присма- триваться к закономерностям эво- люции. И полученные знания он впоследствии принёс с собой в ли- тературу. Размышляя о человеке будущего, Ефремов делает вывод, что такой человек будет стремить- ся не приспособиться к требовани- ям времени и жизни, а напротив, отвечать на её вызовы своей неза- висимостью от перемен. Писатель сформулировал и художественно воплотил образ человека будущего как эволюционного вида, идущего по стратегии ароморфоза, то есть совершенствования своего тела, ин- теллекта, духа и души. Неслучайно герои «Лезвия бритвы» символич- но напоминают формулу Ювенала «В здоровом теле — здоровый дух».

В художественном образе челове- ка будущего Ефремов попробовал совместить древнегреческое пред- ставление о гармонично развитом человеке и собственные фанта- зии, устремив их в проблематику сверхвозможностей. Примечатель- но, что под особыми возможнос- тями человека будущего писатель подразумевал не технический про- гress, сросшийся с человеческим телом до такой степени, что уже трудно становилось разобрать, какие функции выполняет живя- лённый в мозг чип, а то, как будет устроена душа его героя! Ефремов пытался ответить на вопрос, какие качества личности и свойства пси- хики позволяют человеку будуще- го называть себя сверхчеловеком. Заглядывая в тайники души своих современников, он старался преду- гадать, какая психологическая чер- та станет доминантой в XXI веке,

Смотреть на звёзды, чтобы увидеть будущее человечества

В Ленинградской области прошли XXI Ефремовские чтения, приуроченные к 100-летию со дня рождения учёного и писателя-фантаста Ивана Ефремова

как будет организован интеллект и каким образом он окажется связан с моральными принципами и волей. Ефремов «препарирует» такой феномен как зависть и стал едва ли не единственным автором, сумевшим объяснить феномен садизма и жестокости.

Для Ефремова ключевым качеством человека «нового типа» и человека будущего оказывается умение управлять своей психикой: «Новая жизнь создаёт новые потребности. Новые машины требуют новых людей, умеющих владеть своей психикой. Да и психику эту надо тренировать, укреплять, развивать. <...> Психофизиология, казавшаяся до войны ещё далёкой от применения, теперь должна стать важнейшей отраслью биологии и медицины! <...> Но создать институт, посвящённый психофизиологии, ещё не догадались, а надо бы несколько таких центров!». Так Ефремов, учёный, для которого ведущими научными знаниями были биологические и геологические закономерности эволюции мира, предсказывает появление новой науки — биологической психологии, где огромную роль будут играть законы физиологии человека.

В предисловии к «Часу Быка» Ефремов, ссылаясь на русско-китайский словарь пишет: «Земля была рождена в Час Быка», то есть в самое мрачное время суток — два часа ночи. Далее писатель уточняет: «Это произведение после "Туманности Андромеды" и "Сердца Змеи" явилось неожиданностью для меня самого. Я собирался писать историческую повесть и популярную книгу по палеонтологии, однако посвятил более трёх лет научно-фантастическому роману, который, хотя и стал непосредственным продолжением двух моих первых вещей, но также говорит о путях развития грядущего общества». Однако советские спецслужбы посчитали, видимо, иначе, поскольку «Час Быка» получил единственное издание в 1969 году в «Молодой Гвардии» и тут же попал в число запрещённых произведений.

В «Часе Быка» Ефремов набрасывает мозаику разнородных общественных форм, и оказывается, что практически все государственные системы обладают большими недостатками, хотя и недостатки эти — весьма различны. В названии социальных укладов смешиваются и реальные термины, такие как «олигархия», «капитализм», и понятия-неологизмы, придуманные самим Ефремовым. Иногда кажется, что писатель, перебирая те или иные социальные формы, полемизирует сам с собой, словно пытаясь разобраться, какая же социальная организация государства оптимальна для развития личности.

Возможно, именно этот вопрос, неявно, но настойчиво звучащий на каждой странице «Часа Быка», — о том, какие формы должны приобрести идеальное государственное устройство для самореализации личности, — и не понравился сотрудникам органов безопасности. Заметим, что тема развития личности вообще ходила под запретом. Социальная психология благодаря заботе партийных работников была превращена в

псевдонауку, далёкую от изучения реальных социальных сообществ. Под запретом находились такие слова, как «бихевиоризм», «психоанализ», «гештальт-терапия», хотя эти психологические направления активно развивались за рубежом.

В годы, когда создавались романы Ефремова, со всех трибун провозглашался однозначный приоритет общественных интересов над личными, государственного над индивидуальным. Однако писатель не мог не прийти к размышлениям о личной самореализации и счастье отдельно взятого человека. Ведь уже в своих первых произведениях он обозначил лейтмотив человека будущего как человека сверхвозможностей, то есть, вычленения из личности именно тех черт, которые делают биологического индивидуума ярко выраженной индивидуальностью.

Когнитивный диссонанс между реальным развитием государственной системы, социального мироустройства и художественным образом сверхчеловека как «гармонично развитой, альтруистичной и грамотной управляющей своей психикой

личностью» выразился в «Часе Быка» в диалоге между начальницей экспедиции Фай Родис и главой мрачной планеты Торманс по имени Чойо Чагас. Владыка планеты Торманс заявляет Фай Родис, что на его планете «тем нужнее сверхчеловек!» и получает комментарий: «Мозг человека физически изменяется медленно. Продолжительность даже земной цивилизации ничтожна, и поэтому даже она не внесла в мозг существенных изменений. Всякое развитие личности всецело определяется

и определяется к зороастрийской религии и её символу зла — Ариману, находящемуся в вечной борьбе с символом добра Ормуздом. Впрочем, особого развития философские выводы зороастризма у Ефремова не получили. А противоречие между личным и общественным, обозначенное в «Часе Быка» и не вполне правильно понятое органами безопасности, навлекло на писателя пожизненную слежку. Заметим, что решения этого противоречия он так и не нашёл, и уже в следующем, последнем, своём романе «Таис Афинская» он возвращается из опасной и скользкой социологической проблематики к символике женской красоты.

Женские образы у Ефремова — тема, заслуживающая отдельного разговора. Писатель сочувствует женщине «типичного патриархального общества», и в «Часе Быка» подчёркивает, что «в примитивных обществах и в Тёмные века Земли мужчины опасались женщин с развитым интеллектом, их умения использовать оружие своего пола. Первобытный страх заставлял мужчин придумывать для них ограничения. Чтобы оградить себя от "ведьминных" свойств, женщину держали на низком уровне умственного развития, изнуряли тяжёлой работой». Конечно, далеко не все современники Ефремова сумели понять и разделить возглас, озвученный человеком будущего — психофизиологом Гириным: «А я всегда готов поднять бокал за ведьм, пронзительных, весёлых, сильного духом женщин, равноценных мужчинам!».

Испытывая симпатию к сильным женщинам, Ефремов или не смог, или не захотел развивать тему того, каким образом сильная женщина должна себя вести в союзе с представителем сильного пола, и будет ли меняться патриархальное общество в связи с этим. Образ идеального семейного союза (а не просто влюблённой пары) у Ефремова отсутствует, как и цельный, гармоничный, детально разработанный образ идеального социума.

Впрочем, сами эти неразрешённые проблемы, вброшенные Ефремовым в художественной форме в идеологическое пространство, нашли отражение у ряда социальных философов и психологов, крупнейшим разработчиком которых явился, надо полагать Эрих Фромм со своими фундаментальными трудами «Иметь или быть» и «Здоровое общество».

В контексте современного агрессивного российского рынка некоторые идеи Ефремова и Фромма многим кажутся слишком наивными. Здоровым обществом в мире кроважанных циников даже не пахнет. Но дело в том, что «многие» — это отнюдь не все люди, и более того, глуповатые потребители никакого отношения к развитию цивилизации не имеют. Чтобы получились хорошие сливки, требуется много молока. Интеллектуальные сливки общества как раз и есть та малая часть населения, которая обладает даром творчества, то есть преобразования реальности, создания нового продукта. Именно от этого крошечного процента людей зависит масштабный прогресс всего человечества. Именно эти люди, стараясь угадать будущее человечества, продолжают летними тёплыми ночами братья за подзорную трубу и смотреть на звёзды...

Освободитель. Под этим именем любой образованный человек сегодня сразу узнает царя-реформатора Александра II, чей величественный памятник, установленный в Москве рядом с храмом Христа Спасителя, призван напоминать о свершениях монарха. Но, увы, не все помнят, не все узнают, а большинство и не знает о делах давно минувших дней, и только учёные-историки и писатели продолжают интересоваться эпохой, из почвы которой проросли реформы нынешней России

200 лет назад рождение будущего императора приветствовал одой «отец русского романтизма» Василий Жуковский, ставший впоследствии воспитателем и наставником великого князя Александра Николаевича.

Да встретит он обильный с честью век!
Да славного участник славный будет!
Да на чреде высокой не забудет
Святейшего из званий — человек...

Память о том, что царь-реформатор и преобразователь России родился в Москве, увы, стёрта: Малый Николаевский дворец в Кремле и памятник венценосцу большевики уничтожили вместе с местом крещения Александра — Чудовым монастырём. Они же оправдали его убийство. И пока писатели ищут и находят ответы на страшные вопросы, «бесы» продолжают бесчинствовать — не явно, тихо, но всегда готовые расчистить стране путь в преисподнюю. Их лица показал в одном романе и «Дневнике писателя» Фёдор Достоевский, на предупреждения которого современники не обратили должного внимания. А ведь к тому времени на Александра II уже было совершено два покушения — в Петербурге и Париже! В 1879 году их станет уже четыре... И всё это случится! Но вначале Россия будет с умилением смотреть, как подрастает Александр, побуждающий народ к надеждам, а поэтов — к стихам. Вслед за Жуковским посвятит наследнику оду и Кондратий Рылеев.

Быть может, отрок мой, корона
Тебе назначена творцом.
Люби народ, чти власть закона,
Учись заране быть царём...

И он учился. Получил духовное, военное и светское образование, включающее в себя не только науки, но и искусства. Был воспитан в физической и интеллектуальной силе. Так что личность монарха, вступившего в 1855 году на престол, была идеальной для модернизации огромной империи, и впервые за всю историю династии Романовых царь оказался всесторонне подготовлен к государственному управлению и реформам. Уже в шестнадцать лет по воле отца цесаревич Александр приступил к работе в составе Сената, затем — Святейшего Правительствующего Синода, Госсовета и Комитета министров. А когда настал черёд принять скипетр и державу «Государь Наследник» был уже не только доктором права Оксфордского университета, но и генерал-адъютантом Генштаба, атаманом всех казачьи войск, главнокомандующим гвардейской пехоты и прочая, прочая.

Вся Россия, консервативная и либеральная, ожидала от нового царя порядка, расстроенного Крымской войной. Но ждали и более глубоких перемен — в военных, крестьянских, судебных, экономических делах страны. Газеты и журналы обсуждали перспективы преобразований. Откликнулся, написав Александру II записку «О внутреннем состоянии России», и поэт, историк, глава славянофилов Константин Аксаков. С одной стороны, предостерегая: «От непонимания потребностей духа народного и от препятствия этим потребностям происходит или внутреннее волнение, или медленное изурючение и расстройство сил народных и государственных», с другой — уповая на Божие благословение:

Любовь и истину дать Русь тебе готова.
Любовь и истина надёжней всяких уз...
Ты возвратишь, о царь,
землю свободу слова;
И Бог благословит с народом твой союз!

В неоконченном романе «Декабристы» Лев Толстой об этом времени напишет: «Как тот француз, который говорил, что тот не жил вовсе, кто не жил в Великую французскую революцию, так и я смею сказать, что кто не жил в 1856 году в России, тот не знает, что такое жизнь». Именно так, ведь уже в день помазания на царство, после торжественной литургии в Успенском соборе Кремля был обнародован манифест, отменяющий смертные казни многим заключённым, освобождающий от оков декабристов, петрашевцев и участников польского восстания. Бывший петрашвец Достоевский, переживший ещё при Николае I арест, разжалование из дворян, показательную казнь на Семёновском плацу, замену приговора на каторжные работы, а затем — на сибирскую ссылку, написал на своё освобождение одические стихи, посвящённые Александру II.

му из немецких родственников, что якобы окончательное решение об отмене крепостного права император принял, находясь под глубоким впечатлением от прочтения «Записок охотника» Ивана Тургенева. Чего уж там — красивая байка. Но что бесспорно, так это долгое путешествие великого князя Александра по России, которое он совершил ещё в 19 лет, своими глазами увидев, как живут его подданные крестьяне в губерниях Средней полосы, Закавказья и Западной Сибири, — а увидев, понял: так жить нельзя.

Бесконечен, да и бессмыслен спор — нужна ли вообще была в тех исторических реалиях крестьянская свобода с обременительным выкупом земли. Только вот что очевидно: либерализм, со всех сторон подступивший к самодержавию, не только выпестовал капитализм и пролетариат, но и очистил дорогу из Европы в Россию революционным иде-

стова — храм Спаса на Крови, построенный в память об этой общенациональной трагедии. Его фасад опоясывают двадцать плит, на которых золотыми буквами написана история великих дел Александра II.

И к этим делам очень хочется добавить то нематериальное, что зовётся словом «литература». Какие имена! Фёдор Достоевский, Лев Толстой, Алексей Толстой (друг детства императора), Иван Тургенев, Николай Некрасов, Михаил Салтыков-Щедрин, Иван Гончаров, Николай Лесков, Константин и Иван Аксаковы, Александр Островский, Фёдор Тютчев, Афанасий Фет... Всё великое, созданное ими, было написано в эпоху царя-освободителя. И так хочется на этой оптимистичной ноте поставить точку! Но рука ставит запятую. Потому что негоже забывать, что были и другие писатели, начавшие с нигилизма, а закончившие хладнокровным убийством, которых нынешние либералы опять готовы назвать талантливыми борцами за демократию, ведь в александровские времена их величали «передовыми представителями русской литературы». Величал, в частности, писатель Сергей Степняк-Кравчинский — близкий друг Софьи Перовской, руководившей убийством Александра II — один из первых «передо-

Эпоха новая пред нами.
Надежды сладостной заря
Восходит ярко пред очами...
Благослови, господь, царя!
Идёт наш царь на подвиг трудный
Стезей тернистой и крутой;
На труд упорный, отдых скудный,
На подвиг доблести святой...

Достоевский после всех выпавших на его долю испытаний останется верным России и императору до конца дней своих, не доживёт до его убийства месяц и отразит в своих произведениях все крупнейшие события александровской эпохи: освобождение крестьян, Русско-турецкую войну, кавказские и азиатские походы, народо-вольческий террор... И как же отличается его судьба от судьбы собрата по перу Александра Герцена, получившего когда-то из рук наследника престола милость перевода из ссыльной Вятки на государеву службу во Владимир и вскоре навсегда покинувшего Россию, чтобы до конца своих дней под именем Искандер бить в революционный «Колокол», обижаясь, что Александр II не читает эмигрантскую газету. Надо ли говорить, что радеть за Россию Искандер имел возможность вернуться сразу после воцарения Александра II или после цензурной реформы, чтобы хотя бы одним взглядом посмотреть, как живёт опекаемое его публицистическим пером крестьянство. А оно в 1861 году получило свободу от крепостной зависимости. В далёком от народа, но близком к Александру II окружении поговаривали, ссылаясь на его письмо о одно-

ям, стрелы которых вскоре превратились в бомбы террора. А ведь в ту пору страна ещё переживала войны! Закончилась Крымская, но продолжалась многолетняя Кавказская война, закончилась она — началась война с Турцией. Её участник Всеволод Гаршин напишет пронзительную документальную повесть «Из воспоминаний рядового Ивана», где нарисует портрет Александра II, принимавшего смотр войск, уходящих на передовую, — портрет не парадно-дворцовый, а солдатский, вглядевшись в который, мы, ныне живущие, увидим единство царя и солдата, царя и народа.

Но и в парадно-дворцовый портрет Александра II освободителя стоит всмотреться: ведя Россию к конституции, император освобождал народы Средней Азии от рабства, а народы Сербии, Черногории, Румынии и Болгарии — от ига турецкого. В православных храмах Болгарии по сей день поминаются на литургии русские воины, павшие в той войне, поминается и помазанник Божий русский царь Александр II. Не говоря уже о памятниках царю-освободителю, установленных и сохранённых не только в Софии, но и во многих городах Болгарии. Сохранены его памятники и в Финляндии, а вот в Польше, где царь тоже отменил крепостное право, — снесены.

Проект конституции Александр II планировал одобрить 1 марта 1881 года в Петербурге после войскового смотра на Михайловском плацу. Но путь к ней преградила бомба беса-народовольца. Второй, брошенной следом, царь был смертельно ранен... Сейчас на этом месте смотрит в небо собор Воскресения Хри-

стоса, определивший атеизм как новую религию и указавший личным примером путь к свободе через кровь и насилие. В 1878 году на той же Михайловской площади, где через три года будет взорван российский самодержец, Степняк-Кравчинский убьёт шефа жандармов, генерал-адъютанта Николая Мезенцова, благополучно сбежит за границу к другу Фридриху Энгельсу и во всю развернёт свою революционно-писательскую деятельность. Но вот вопрос: не он ли окажется истинным организатором убийства Александра II и вдохновит на руководство злодеянием подругу Софью Перовскую? Ответа пока нет, лишь намёк самого провидения: жизнь Степняка-Кравчинского оборвёт на железнодорожных рельсах Лондона промчавшийся поезд...

А Россия тем временем вспоминала убиенного царя на панихидах и памятках — его миниатюрные портреты носили в бумажниках, а даты рождения и смерти вырезали и гравировали на заветных вещах. Николай Лесков своей памяткой — кольцом с александритом — очень гордился и даже написал об этом драгоценном камне «маленькое сообщение». Оказывается, день совершеннолетия будущего государя императора был ознаменован открытием в уральских коях нового минерала, который в его честь тут же назвали «александритом». В зависимости от освещения он меняет цвета от светло-зелёного до малинового. И это его свойство, по замечанию писателя, удивительным образом отразилось на судьбе Александра II. Впрочем, как и на судьбе самого Лескова. Но это уже другая история...

Как говорил Заратустра, или Возраст зрелости и юности

Исполняется 15 лет журналу «Бийский вестник». Мы встречаем это событие на большом творческом и эмоциональном подъёме. У нас получилось всё, что мы задумывали. Мы создали полноценный литературно-художественный, научный и историко-просветительский журнал, который уже перешёл определение «региональный». Для нас, создателей журнала, пятнадцатилетие — значимое событие

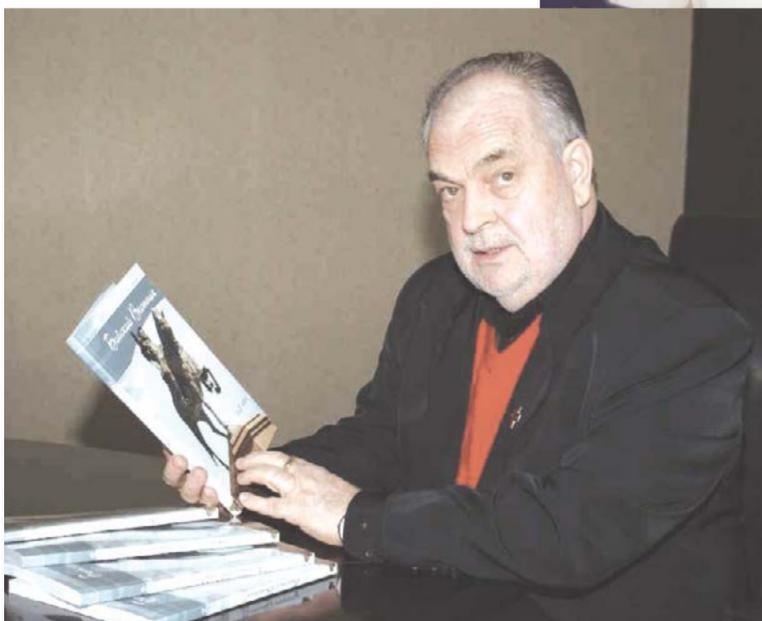
Заратустра уделял этому числу особое внимание. Он говорил, что в раю у ариев всем воинам должно вечно быть по 15 лет, что это прекрасный священный возраст, возраст зрелости и юности. Наш журнал сейчас находится в этом прекрасном возрасте, но мы не можем в нём пребывать всегда — таков закон диалектики. Нам предстоит перейти в другое качественное состояние. Эта новая ступень в развитии журнала называется становление или мужание, то есть закрепление всего того положительного, чего мы достигли в своей работе. Становление — явление не застойное, оно предполагает развитие. И я думаю, что мы сумеем творчески прожить этот период, преумножая накопленный опыт.

Пятнадцать лет пролетели мгновенно. Как будто ещё вчера с глубоким волнением корпели над первым номером и вот уже в этом году выдадим шестидесятый. Все эти годы творческого труда меня и моих товарищей мучили сомнения. Правильно ли мы выбрали стратегию развития издания? Тех ли авторов приглашаем к сотрудничеству? Верные ли журнальные рубрики определили? Те ли подбираем иллюстрации? И всегда таких сомнений в процессе работы возникает множество. А главным для нас всегда остаётся вопрос: интересен ли «Бийский вестник» читателям?

Судя по отзывам, наш журнал знают, он востребован, есть у него и постоянные читатели. Положительные отклики о «Бийском вестнике» мы получаем из многих регионов России, от известных российских и зарубежных писателей, руководителей творческих союзов, деятелей культуры, искусства, библиотекарей, от наших коллег-редакторов «толстых» журналов, литературоведов и литературных критиков, издателей. Особенно радостно получать отклики от наших замечательных, умных и преданных читателей. Не скрою, приятно и волнительно видеть на страницах известных российских изданий хвалебные статьи, а на встречах с читателями слушать добрые слова в адрес своего детища. Отмечают хороший содержательный уровень, широкую палитру авторов, разнообразие публикуемого материала, грамотность и эстетическую привлекательность журнала. Всё это вселяет силы и уверенность в правильности выбранного пути, в нужности своего дела.

Главное направление нашей деятельности — литературно-художественное просветительство, и мы не ограничиваемся только изданием «Бийского вестника». Редакция журнала учредила фестиваль самодеятельного литературного

творчества «Три реки», который собирает сотни литераторов из городов и сельских районов Алтайского края. По итогам форума выходит сборник стихов и прозы его участников. Василий Шукшин говорил, что писать должны тысячи, чтобы из этих тысяч выросли два-три настоящих писателя.

теля. Мы стремимся к этому и работаем в данном направлении.

Мы позиционируем «Бийский вестник» как журнал родины Василия Шукшина. Об этом извещаем читателей на титульной странице нашего издания. По приглашению писательских организаций и редакций журналов я выезжаю в российские регионы с рассказами о прекрасном Алтае, о творчестве В.М. Шукшина, о нашем журнале и его авторах. Редакция организует творческие встречи известных писателей с читателями городов и сёл Алтая. Они всегда проходят в тёплой, творческой, дружеской обстановке. Это тоже наша просветительская деятельность.

В память о нашем выдающемся земляке в год его 85-летия мы выступили с инициативой учреждения медали «Василий Шукшин». Союз писателей России оценил и поддержал наше предложение, создав такую награду. Медалью «Василий Шукшин» уже награждены многие российские писатели, актёры, режиссёры, художники, библиотекари, чиновники, внесшие вклад в пропаганду творческого наследия мастера; за личные творческие достижения и активную работу по сохранению русского языка.

Также совместно с Союзом писателей России мы учредили Всероссийскую литературную премию «Белуха» имени прекрасного русского прозаика, уроженца Алтая Георгия Гребенщикова. За восемь лет ею награждены полтора десятка писателей.

Редакция журнала «Бийский вестник» совместно с Барнаульско-Алтайской

епархией, Алтайской краевой общественной библиотекой имени В.Я. Шишкова выступила учредителем Православной литературной премии имени святителя Макария.

Такая литературно-просветительская работа, на наш взгляд, нужна, так как Алтай удалён от культурных центров страны на тысячи километров, и людям, живущим в глубинке, трудно ориентироваться в огромном российском литературно-художественном пространстве. Мы стараемся помочь им.

Все эти годы редакционная коллегия журнала отыскивала и предлагала нам для печати произведения известных и незнакомых нам поэтов и прозаиков, публицистов, историков, литературоведов и литературных критиков, краеведов, искусствоведов, учёных. Без их беззаветного служения делу просветительства нам было бы очень трудно издавать журнал. Не называю отдельных фамилий, потому что все члены редколлегии внесли свой вклад. За это им всем огромная благодарность!

Трудно в наше время выпускать журналы. Главная проблема — отсутствие у редакций финансовых средств. Об этом знают руководители разного уровня, от кого зависит жизнь журналов и альманахов. На словах они осознают необходимость гуманитарного образования и воспитания российских граждан, выхода изданий, а действий, дел нет. Парадокс в том, что авторов, желающих публиковаться, много, даже очень много, а литературных изданий становится заметно меньше.

У «толстых» журналов, которые ещё на плаву, падают тиражи. Причина та же — отсутствие средств. Вроде власти должны поощрять развитие литературного творчества, способствовать появлению в стране молодых талантливых поэтов и прозаиков, а на деле получается, что денег на это у государства нет. Предлагают «держаться» и искать спонсоров.

Нас сия участь, слава Богу, миновала. В Москве я познакомился с неравнодушным человеком, болеющим душой за сохранение истории, культуры, литературы, искусства, русского языка. Это Сергей Павлович Козубенко — промышленник, благотворитель, меценат и просветитель. Именно по его инициативе и на его деньги создан памятник Василию Шукшину. Он установлен на родине писателя в селе Сротки, на горе Пикет. В трудное время Сергей Павлович и протянул нам руку помощи. О его благих делах мы рассказали в четвёртом номере «Бийского вестника» за 2017 год. Спасибо вам сердечно, Сергей Павлович, за богоугодные дела!

Нам повезло с издателем. Коллектив издательского дома «Бия» — это специалисты высокого класса. Наши единомышленники, надёжные партнёры и верные товарищи. Благодарим директора издательства Наталью Толоконникову и весь коллектив за их работу, за доброе к нам отношение!

У нас профессиональная редакция, что называется специалистами своего дела. Все необыкновенно начитанны, обладают превосходным художественным и эстетическим вкусом, глубокими знаниями во многих сферах жизни. Всем моим коллегам я искренне признателен за их преданность делу.

Уважаемые читатели! Вы обратили внимание на изменения, которые произошли в журнале? Всё это — плоды наших исканий. Мы хотим сделать издание более привлекательным для вас. Расширим круг авторов. Пригласим молодых, талантливых и не забудем прежних наших друзей-писателей. Обновили обложку. Обновим редакционную коллегию. Привлечём в неё новых людей со свежими взглядами на развитие «Бийского вестника».

Поздравляю с 15-летием журнала «Бийский вестник» всех, кто к нему причастен! Всем моё почтение. Всем интересного и полезного чтения!

Виктор БУЛАНИЧЕВ,
главный редактор журнала

Государевы ямщики великой Лены

В этот солнечный апрельский день в Якутске сошлось вместе сразу несколько праздников – Вербное воскресенье, Проводы зимы, День отца и День геолога, но главным событием стало, конечно, 275-летие Иркутско-Якутского почтового тракта, который более двух столетий был главной транспортной артерией, соединяющей две некоронованные столицы Восточной Сибири

Этот непростой путь протяжённостью в 2731 версту, выношенный в планах Императором Петром I и проложенный вдоль Лены-реки Витусом Берингом во время Великой Северной экспедиции, поначалу был «дорогой жизни» для этой самой экспедиции, а затем, в 1743 году, получил статус почтового тракта. Через каждые 25-30 вёрст были построены почтовые станции, на которых начали свою нелёгкую, но почётную по тем временам службу «государевы ямщики», переселившиеся в край холодов и метелей из центральных губерний России. Это благодаря им, к примеру, начинающий романист Иван Обломов, завершив своё знаменитое путешествие на фрегате «Паллада» и перебравшись с корабля на сани, в самую суровую стужу добрался от Якутска до Иркутска «всею» за месяц. Хотя и немного простудился. Но зато «вывез» в своей дорожной суме немало впечатлений для будущих сочинений...

Перенимая у местных жителей – якутов и эвенков – опыт укоренения на этой суровой, но щедрой на природу и расстояния земле, русские поселенцы в то же время старались сохранить свои исконные обычаи, знания, родство, стойкость веры, и в результате создали уникальную ямщицкую культуру, крепко сохранившуюся и ярко заявляющую о себе до сих пор. Недаром хорошо известную во всей Сибири общину «Потомки государевых ямщиков» возглавляет лично вице-спикер якутского парламата Анатолий Добрянцев, естественно, ведущий свой род от первых ямщиков. Во многих приленских сёлах сегодня есть народные музеи ямщицкого быта, свои фольклорные коллективы и местные «звёзды», для которых каждую весну традиционно проводится фестиваль «Играй, гармонь, звучи, частушка!». На этом празднике можно не только попеть и поплясать, но и показать себя в умении запрячь лошадь, наколоть дров и лихо промчатся в санях по снежной колее, да не сидя, а стоя во весь рост!..

Именно по инициативе Добрянцева и под его водительством прошлым летом от Иркутска до Якутска прошла этнокультурная экспедиция «По следам государевых ямщиков», заметно обогатившая знания фольклористов, краеведов и репертуары самодеятельных артистов.

И вот теперь, в день 275-летия тракта, одну из главных площадей Якутска огласили традиционные возгласы «Почта едет!» и перезвоны валдайских колокольчиков. Причём лихие упряжки оказались совсем не «театральными», а самыми

настоящими: приняв по всем правилам почту на ближней к городу станции, они доставили в конечный пункт ценную посылку – ящик с письмами и открытками, отправленными иркутянами. Её провезли по историческому пути нынешние

потомки «государевых ямщиков» от самой границы Якутии, и на всех бывших станциях «эстафету» встречали хлебом-солью, а потом подхватывали и мчали дальше. Конечно, при этом не обходилось без традиционных «ямщицких вечорок» со старинными танцами и

чаепитий с сибирскими шаньгами, а где-то в них приняли участие седовласые патриархи, которые вполне законно затягивали любимую песню «Когда я на почте служил ямщиком...» Да-да, остались ещё такие, хоть и подкатывают возрастом уже к сотне лет!..

Во всю эту праздничную мозаику и кавалькаду очень естественно вписалась книга Анатолия Соколова «По следам государевых ямщиков». Анатолий Дмитриевич приступил к своей летописи без малого двадцать лет назад, для начала изложив собственные воспоминания о ямщицком селе Еланка, где родился он сам и где появилось на свет с 1748 года уже

одиннадцать поколений его предков и потомков. Впрочем, основатель рода поначалу носил совсем другую фамилию, но, видно, был таким лихим и бравым ямщиком, что к концу службы уже во всех документах значился Соколовым. К слову, что касается смелости и удали, то ленским ямщикам их было не занимать – они храбро сражались во всех войнах, прошли от Бородино до Берлина и даже взрастили в своих рядах двух боевых генералов!

А сегодня каких только профессий нет в роду Соколовых! К примеру, сам Анатолий Дмитриевич – почётный строитель Якутии, известный в отрасли специалист.

Именно это позволило ему оставить для будущих поколений ямщиков не только свои книги, но и спроектировать и построить вместе с друзьями-единомышленниками часовню на высоком берегу Лены, ставшую украшением нынешней Еланки.

В новой, четвёртой по счёту и самой полной книге Анатолий

Соколов рассказывает, помимо своей, о знаменитых ямщицких династиях Голоковых, Бурнашёвых, Крыловых, об истории рождения и развития Иркутско-Якутского тракта, о трудовых буднях, быте и отдыхе своих земляков. В этом своеобразном и увлекательном исследовании целые главы посвящены предметам

ямщицкого и сельского быта, о которых иной человек и десятка слов не наберёт, например, саням, лошадям, бане, плотогонам, караваю хлеба, сенокосу, рыбалке... А чтобы книга была более полной, Анатолий Дмитриевич включил в неё отрывки из произведений известных российских писателей, проезжавших когда-то по тракту, как, например, Гончаров. Одни из самых ярких зарисовок приленских «ямов» и их хозяев оставил возвращавшийся из ссылки Владимир Короленко. Их мы и предлагаем вашему вниманию.

Владимир ФЁДОРОВ

В ямщицкой огромный камелёк, плотно сбитый из глины, зиял, точно раскрытая огненная пасть сказочного чудовища. Огонь с невероятной силой рвался в трубу, как будто целая река пламени струилась кверху. Наклонные стены юрты то тесно сдвигались, охваченные багряным отблеском, то утопали чуть заметно во тьме; тогда юрта казалась огромною пещерой с тёмными сводами. Группа огненных же фигур, будто только что отлитых из не остывшего ещё металла, сомкнулась полукругом около камина. В середине, уставившись на огонь задумчивыми глазами и опершись подбородком на руки, сидел молодой станочник с резко инородческими чертами, представитель этого странного, наполовину объякутешского населения средней Лены. Из горла его лились, примешиваясь к шипению и треску пламени, странные – то протяжные, то истерически прерывистые звуки. Это была якутская песня-импровизация – песня, в которой только привычное ухо может уловить признаки своеобразной гармонии.

Молодой станочник пел, остальные слушали, изредка поощряя певца резкими, произвольными короткими восклицаниями. Дикая тайга, каменистые тропинки над Леной, угрюмый и сиротливый Ат-Даван имеют свои песни. Певец-станочник пел об усилвшемся морозе, о том, что Лена стреляет, что лошади забились под утёсы, что в камине горит яркий огонь, что они, очередные ямщики, собрались в числе десяти человек, что шестёрка коней стоит у коновязей, что Ат-Даван ждёт Арабын-тойона, что с севера, от великого города, надвигается гроза и Ат-Даван содрогается и трепещет...

Я стал в тени, не замеченный, и слушал песню станочника об Арабын-тойоне... Арабин, Арабин!.. Я где-то слышал эту фамилию. Мне стоило значительно усилие отодвинуть от себя сказочную фигуру, и из-за неё в моей памяти выдвинулась другая. В Иркутске, в знакомом доме, я несколько раз встречал – правда, мимоходом – казачьего хорунжего с этой фамилией. Это был человек ничем не выдававшийся, молчаливый, слегка даже застенчивый тою особою застенчивостью, которою отличаются болезненно-самолюбивые люди. Я едва заметил его тогда, но потом слышал, что он чем-то обратил на себя внимание тогдашнего генерал-губернатора и что его употребляют для «особых поручений». Неужели это он? Неужели это о нём я слышу теперь по всему пути – о нём, чьё имя едва различалось в иркутской толпе?.. Он уже третий раз пролетает над Леной в качестве курьера, и каждый раз толки о нём долго не смолкают на пустынной реке. На станциях он вёл себя как человек, на единичные усилия которого возложено усмирение бунтующего края. Врывался, как ураган, бушевал, наводил панический ужас, грозил пистолетом и... забывал всюду платить курьерские прогоны. Вероятно, благодаря этим приёмам он исполнял поручения в сроки, удивлявшие самых привычных людей, начальство отличало его ещё более. «Курьер» стало кличкой и чуть не постоянною профессией Арабина. Скромный и застенчивый в Иркутске, он становился совершенно другим, лишь только выезжал из города. Быть искренне убеждённым, что всякая власть сильнее всякого закона, и чувствовать себя целые недели единственным представителем власти на огромных пространствах, не встречая нигде ни малейшего сопротивления, – от этого может закружиться голова и по сильнее головы казачьего хорунжего.

И она действительно кружилась. В последний проезд он уже скакал через редкие города (Киренск, Верхолениск и Олекму), стоя в повозке и размахивая над головой красным флагом. В этом было что-то фантастическое: две тройки мчались, как птицы, со смертельным ужасом в глазах, ямщик походил на мертвеца, застывшего на облучке с вожжами в руках; седок стоял, сверкал

Ат-Даван и его песни

из рассказа Владимира Короленко

глазами и размахивал флагом. Местные власти покачивали головами, обыватели разбегались. В этот проезд Арабин отметил свой путь таким количеством павших лошадей, воплей и жалоб, прорвавшихся наконец наружу, что почтовое начальство сочло необходимым вмешаться. Забегая вперёд, скажу только, что из-за Арабина поссорились два ведомства, что непосредственное начальство курьера вынуждено было всё-таки отказаться от его услуг, но, снабжённый отличными рекомендациями, он перешёл на службу ещё дальше на восток и там, на Амуре, застрелил наконец наповал стационарного смотрителя. Тогда об Арабын-тойоне заговорили даже в России и только тогда узнали, что судить, в сущности, некого, так как знаменитый курьер был уже... вполне сумасшедшим.

Такова дальнейшая история грозного и несчастного Арабын-тойона, ожидаемого в эту ночь на далёком Ат-Даване. Вот о ком скрипела и завывала унылая якутская песня в ямщицкой юрте.

Сторож принёс в печку дров, в ямщицкой юрте огромный камелёк тоже весь заставлен дровами, так как огонь разводится на всю ночь. Пламя разгорелось и трещало. В приоткрытую дверь все еще виднелись у огня фигуры ямщиков, лежавших вокруг камелька на скамьях. Ат-Даван успокоился на ночь.

Господин Крутликотвёл нам соседнюю комнату, где Копыленков тотчас же заснул. Стационарная комната осталась незанятой.

— Для Арабина? — спросил я.

— Да, — как-то особенно угрюмо ответил Крутликот.

Я забылся...

Когда очнулся, была всё ещё глухая ночь, но Ат-Даван всё опять жил, сиял и двигался. Со двора нёсся звон, хлопали двери, бегали ямщики, фыркали и стучали копытами по скрипучему снегу быстро проводимые под стенами лошади, тревожно звенели дуги с колокольцами, и всё это каким-то шумным потоком стремилось со станции к реке.

В соседней комнате г-н Крутликот не торопясь зажигал свечи: серная спичка сначала кинула синеватый мертвенный свет, потом вдруг загорелась и осветила комнату.

Господин Крутликотвнёс её к светильне, зажгёт свечу и повернулся. Перед ним невдалеке стояла новая фигура: человек в оленьей дохе с капюшоном, запорошенный снегом. Из-под оленьего мешка глядели два чёрных глаза, слегка скошенные, как у карыма, виднелось бледное лицо, тонкий нос и длинные чёрные опущенные книзу усы. По этим чертам я узнал Арабын-тойона, которого с таким тихим трепетом и смиренным ждал Ат-Даван уже несколько дней. И в то же время это был мой знакомый, казачий хорунжий, незначительный и застенчивый в Иркутске.

По-видимому, первый выход обещал, что все сойдёт благополучно. Арабин, очевидно, сильно устал, может быть, от дороги, а может быть, также от роли грозного Арабын-тойона... Казалось, он хочет просто отдохнуть, выпить чаю, прилечь... Теперь он стоял, слегка опустившись, с сонным лицом в ожидании света. Только по временам в мутных глазах загоралось нетерпение... Зато с г-ном Крутликотом произошла резкая перемена: он совсем не был похож на того маленького, невзрачного и смешного человечка, который ещё вчера униженно просил пожалеть его и не требовать лошадей. Теперь он был угрюм, серьёзен и сдержан. Движения его были неторопливы и полны какой-то решимости. Он даже как будто вырос. По-видимому, вчерашний рассказ, большое количество водки, пары которой только

проходили через его голову, разгорячённую старыми растрёпанностями воспоминаниями, и ночь без сна, — всё это не прошло для г-на Крутликота даром.

— Чёрт возьми! — произнёс Арабин нетерпеливо. — Шевелись там!

— Покорнейше прошу потише, здесь проезжающие, — спокойно отвечал Крутликот.

Арабин снимал свою шапку и когда снял её, то в его чёрных глазах сверкнуло что-то вроде изумления. Однако он всё ещё, по-видимому, старался удержаться.

— Самовар! — буркнул он, кидая доху и садясь к столу.

— Готов.

— Лошадей!

— Пожалуйте прогоны.

Голова Арабина, низко стриженная, с тонкими, слегка торчащими по-монгольски ушами, повернулась тревожно и живо. В глазах сверкнуло уже что-то порезче простого удивления. Он поднялся и произнёс опять:

— Лошадей, живо!

— Прогоны пожалуйста, — с каким-то вызывающим спокойствием отрезал г-н Крутликот.

Арабин вскопился, сердито дёрнул к себе сумку, выхватил какую-то бумагу и порывисто швырнул её Крутликоту. По всему было видно, что он, усталый и разбитый, хочет удержаться в известных пределах, что ему теперь тяжела и неприятна роль грозного Арабын-тойона в этот поздний час на тёплом и освещённом Ат-Даване. Но он не хотел также платить прогоны, тем более что эта тихая, смиренная Лена имеет одну особенность: заплати г-н Арабин на Ат-Даване — и его престиж сразу падёт, и уже всюду, на протяжении трёх тысяч вёрст, ямщики от станка до станка разнесут известие, что улахан Арабын-тойон сдался и платит... И всюду уже с него неотступно потребуют тоже прогонов. Он, вероятно, надеялся ещё, что Крутликот забыл, кто он такой, и бумага ему напомнит. Но вышло ещё хуже.

Крутликот, всё так же не торопясь, развернул бумагу, прочитал её внимательно, долго переводил глаза от строки к строке и потом сказал:

— Здесь вот сказано: «на четвёрку лошадей за установленные прогоны». А вы берёте шестёрку под две повозки и не изволите платить прогонов. Незаконно-с...

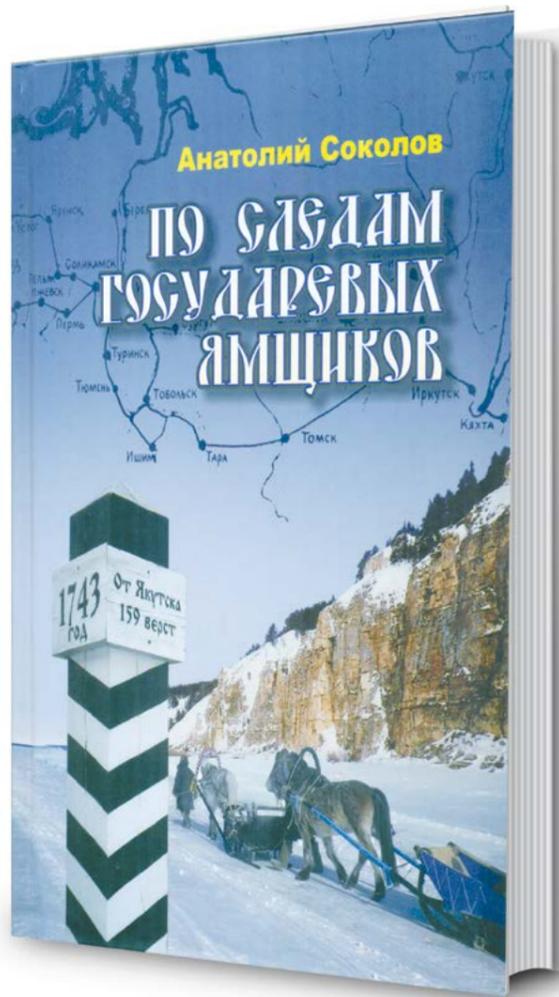
Голос его звучал тоже спокойно, но он как будто разнёсся по всему Ат-Давану. Шум, которым был полон станок, приостановился, ямщики теснились с робким интересом к дверям, ведущим из ямщицкой в горницы. Копыленков притаил дыхание.

Арабин встрепенулся, окинул станок вспыхнувшим взглядом, выпрямился, стукнул кулаком по столу, и по лицу его пробежало злое выражение.

— Молить! — крикнул он. — Это что... бунт?

— Никакого бунту-с, а по закону. По указу его императорского величества. Что, в самом деле, до коих пор...

Крутликот не успел окончить. Сильный удар свалил его с ног... Арабин кинулся было к лежащему.

Я вбежал в ту комнату и остановился. Арабин стоял против меня, удивлённый моим неожиданным появлением. Это, вероятно, спасло и Крутликот, и самого Арабина от дальнейших последствий его исступления. Бледное лицо его подергивалось, в глазах бегало что-то беспокойное и большое. Казалось, казачий хорунжий, забывший на Лене о том, что он только казачий хорунжий, и сам уже отвык представлять себя иначе, как Арабын-Тойоном, могучим и грозным, с головой выше приленских сопок. И вдруг моё появление перенесло его в Иркутск, в низкую комнату, где голова хорунжего далеко не достигала потолка и не поднималась выше десятков других самых обыкновенных голов.

Однако Ат-Даван не заметил ни этой растерянности, ни этого душевного движения. Он видел только удар, видел, что писарь лежал на полу. Двери из ямской захлопнулись, на дворе опять началась беговая. Из нашей комнаты слышался приторный храп Михаила Ивановича.

Очевидно, бунт в Ат-Даване прекратился, и Арабын-тойон остался для Ат-Давана тем же могучим и грозным, о котором недавно пела песня.

Через несколько мгновений Крутликот поднялся с полу, и тотчас же мои глаза встретились с его глазами. Я невольно отвернулся. Во взгляде Крутликота было что-то до такой степени жалкое, что у меня сжалось сердце, — так смотрят только у нас на Руси!.. Он встал, отошёл к стене и, прислоняясь плечом, закрыл лицо руками. Фигура опять была вчерашняя, только ещё более убитая, приниженная и жалкая.

— Я вам пок-кажу бунтовать! — ворчал он. Дальше разобрать было трудно. Слышно было, однако, какое-то упоминание о «свидетелях», которым г-н Арабин советовал отправиться ко всем чертям, о чести мундира и ещё что-то в том же роде.

Между тем в полутьме нашей комнаты Михаил Иванович Копыленков спешно

заканчивал свой туалет. Через несколько минут он появился в дверях, одетый, застегиваясь, покашливая и стараясь изобразить на лице приветливую улыбку.

Арабин взглянул на это неожиданное появление выражением сердитого недоумения. По-видимому, он не мог понять сразу, что нужно этому улыбающемуся, подпрыгивающему на ходу и кланяющемуся незнакомцу, однако приязненные улыбки и поклоны озадачивали его и предупреждали вспышку не утихшей ещё свирепости. Он подносил слегка дрожащею рукой блюдце с горячим чаем и искоса недоброжелательно следил за манёврами Копыленкова.

— Вам что надо? — вдруг отчеканил он резко, ставя блюдце на стол.

Копыленков чуть-чуть дрогнул, но тотчас же опять принял прежнее выражение подловатой любезности.

— Собственно, ничего-с. Почтение засвидетельствовать... Не изволили признать, видно... У Лев Степановича, у горного исправника, если изволите вспомнить, имели разговор и даже-с... дельце одно проходило...

— А-а!.. Ну, так, — произнёс Арабин, опять принимаясь за чай. — Теперь помню.

— Именно-с, — обрадовался Копыленков. — А могу побеспокоить вопросом, по какому поручению изволите?..

— Не ваше дело!

— Это справедливо, — смиренно согласился Михаил Иванович. — Может, касающееся секрету...

Бедняга не мог понять, что самое упоминание об Иркутске, о горном исправнике, обо всех этих будничных делах не могло быть приятно Арабын-тойону, всё ещё находившемуся в эпическом, сказочном мире.

— Справедливо-с, — в раздумье ещё раз произнёс Копыленков и, чтобы удержать позицию, прибавил: — Сердиться изволили тут мало-мало... Да уж истинно, что в здешних местах ангел — и тот рассердится. Верно.

Он покосился в сторону Крутликота и вздохнул:

— Необразованность!

Однако и это не помогло. Арабин не обратил на него внимания, допил стакан, вынул книжку, что-то записал в ней, потом торопливо оделся, рванулся к двери, потом остановился, взглянул, нет ли в дверях кого-либо из ямщиков и, будто обдумав что-то, вдруг резким движением швырнул деньги. Две бумажки мелькнули в воздухе, серебро со звоном покатилося на пол. Арабин исчез за дверью, и через минуту колокольчики бешено забились на реке под обрывом.

Всё это было сделано так неожиданно и быстро, что все мы, трое безмолвных свидетелей этой сцены, не сразу сообразили, что это значит. Как всегда в денежных вопросах, первый, однако, догадался Копыленков.

— Уплатил! — произнёс он с величайшим изумлением. — Слышь ты, Крутликот? Ведь это, смотри, прогоны. Ах ты, братец мой!.. Вот так история!

Из ямщиков никто не был свидетелем этой уступки со стороны грозного Арабын-тойона.

Представляем вниманию читателей стихи современных абхазских поэтов как старшего и среднего поколений, так и более молодых, которые вошли в коллективный сборник «Сухумская крепость». Каждый из авторов владеет своим неповторимым поэтическим языком, но всех их объединяет общее состояние души: это беззаветная любовь к родной земле и домашнему очагу, верность памяти предков, восхищение неповторимой природой Абхазии и, конечно же, желание поведать о любви, поднимающей человека над суетой.

«Сухумская крепость» позволит любителям литературы сложить своё представление о сегодняшнем дне абхазской поэзии.

Жизнь, как клин журавлиный

Георгий ГУБЛИА

Лица

Стою у самого обрыва,
Твою охватывая гладь.
Хочу тебя неторопливо
Во всей подробности вобрать.

Развёрнуто рассвета знамя.
Мир полон чуткой тишины.
Деревья, горы, небо, сам я —
Как в зеркале отражены.

Все краски достоверно чётки,
Вода прозрачна на просвет,
И только парусные лодки
В неё врезают длинный след.

Дитя Апсны' и гордость наша,
Абхазии глубинный взор,
Ты, Лица, — голубая чаша
В морщинистых ладонях гор.

Считали некогда святою
Твою прохладную струю.
Кто окропил себя тобою —
Непобедимым был в бою.

Не зря сюда, на горный гребень,
Приходят люди и досель.
Высокий воздух твой целебен,
Живительна твоя купель.

Дитя Апсны и гордость наша,
Абхазии глубинный взор,
Ты, Лица, — голубая чаша
В морщинистых ладонях гор

Перевёл А.КАФАНОВ

Вахтанг АБХАЗОУ

Этот мир был бы пуст

Я похож на птенца, что взлетел наугад,
о гнезде не тоскуя родном.
Он и думать не думал вернуться назад —
как и я, покидая свой дом.

Так и детство моё, разорвав облака,
с птичьей стаей улплыло в страну,
что от всех далека, далека, далека...
(К ней дорога — как путь на Луну!)

Жизнь, как клин журавлиный,
сквозь вечность летит
светят снизу пруды и сады.
Я встречаю то зло,
то добро на пути,
постигая загадку судьбы.

Я листаю, как книгу, полные сны,
где так сладко играть во дворе.
Их страницы счастливых мгновений
полны, посвящённых той давней поре.

Я несу это счастье сквозь сотни дорог,
не боясь угнетающих дум.
Если б я своё детство в душе не берёг —
этот мир был бы пуст и утрюм.

Перевёл Николай ПЕРЕЯСЛОВ

Виталий АМАРШАН

***

Ночь свежа, и открыта луне,
И в глубокой росе потонула.
И душа встрепенулась во мне
На забытые звуки чамгура.

Я в бездонное небо смотрю
И не чую земли под собою.
Ветер голову гладит мою —
Или мать прикоснулась рукою?

Не смолкая сверчки свиряют,
Ночь во мне отзывается эхом.
Светлячками пронизанный сад
Терпко веет айвой и орехом.

Надо мною летучих мышей
Заметалась туманная стая.
Страстно дышит река меж камней,
И трава шевелится густая.

Звук и запах меня стерегут,
И от этого некуда деться,
И от этого мысли бегут
В золотое далёкое детство.

Судьба

Пусть явятся страхи воочью
И спирает дыханье в груди, —
По отвесной скале днём и ночью
Ты на цыпочках прямо иди.

Кружит голову омут пространства,
Узок путь, но иди как идёшь.
На пути ты не должен метаться,
Всё равно никуда не свернёшь.

Этот путь указала свобода,
И на нём суетиться нельзя.
Принимай боль и радость народа,
Что идёт, свою ношу неся

Путь тревог, путь опасных мгновений,
От него лёгкой жизни не жди.
По отвесной скале поколений
Ты на цыпочках дальше иди.

Перевёл Юрий КУЗНЕЦОВ

Терентий ЧАНИЯ

Двор абхаза

Я помню старый двор абхаза,
Пушистую траву и пацху
С медвежьей шкурой, с быстроглазой
Ордой детей, и свет, и Пасху.
Как дети были непохожи!
Ходить учился самый младший,
Другой, с обветренной кожей,
Был непоседой. Самый старший
Водил волов, когда хотела
Земля рожать. И плёл корзину
Сын третий, вроде чистотела.
А пятый обживал низину
И занимался, чем хотел он.
Пусть необуты, не одеты,
Зато как дружно пели вместе,
И поле было лазаретом,
Где поправлялись честь по чести.
Молочной жидкостью пятнали
Цветы и обжигали тело,
Мы ничего ещё не знали,
Но что-то главное умели.
И тихий ковшик под каштаном

Висел на колышке ольховом.
И я был милым великаном,
Природы частью, Божьим словом,
Я пил с корнями и листвою,
Дарившими мне жизнь святую.
А сойки шумною толпою
Инжир клевали, вслух ликуя.
Я и сегодня двор тот вижу,
Что обведён давно стеною,
Всему внимаю, верю, слышу,
Как жизнь моя шумит травой.
Уж вместо пацхи — замок целый,
Что украшает двор и небо.
Лишь детский голос оробелый
Давно уже не просит хлеба.

Перевёл И.КАЧАЛОВ

Мушни ЛАСУРИА

Форель и соловей

Форель влюбилась в соловья
Легенда есть такая.
И соловей, её любя,
Пел, горло разрывая.

Средь нависающих ветвей,
Роняя в воду звуки,
Пел над рекою соловей
Серебряной подруге.

В воде форель горит огнём,
А соловей в чащобе
Зовёт подругу над ручьём
В неистовом захлёбе.

И не смолкает эта трель
Любовного влечения.
И, слушая её, форель
стоит против течения.

Форель плеснётся из волны,
Вспорхнёт венец в чащобе,
Но между ними две стены —
Непроходимы обе.

Форель плеснётся из воды,
Чтобы прижаться к другу,
Вода и воздух — две среды,
Враждебные друг другу.

Сильнее счастья жаркий хмель
Любовного томления,
Коль, слушая певца, форель
Стоит против течения

Перевёл Фазиль ИСКАНДЕР

Прощание

Абхазские мужчины
не оплакивают своих жен

Душа настаивала: «Плачь!
Не сдерживай своих рыданий...»
«Молчи... Тоску поглубже спрячь...» —
Шептал обычай стародавний.

...Вчера, — любимый человек, —
Вчера она скончалась в муке...
Глаза, закрытые навеки,
Навеки сложенные руки...

Её схоронят через день,
Зароют послезавтра в землю...
Он под окном своим, как тень,
Стоит, ночной окутан тенью.

...Он возвращается опять,
Бредёт с душой осиротевшей...

Печалью тихую объят,
Народ сидит вокруг умершей.

И вот: встают по одному,
Глядеть в глаза его не смея,
И все уходят, чтоб ему
Наедине проститься с нею.

Её схоронят через день,
Зароют в землю послезавтра...
Толпа горящих людей
Пойдёт за нею со слезами.

И он пойдёт среди других...
Но не должны увидеть люди
Запретных слёз его мужских...
Не будет плакать он, не будет!

Но не сдержат ему тоски
Теперь, когда народ оставил.
Прикосновением руки
Он волосы её поправил

Он в лоб её поцеловал,
Ещё как будто бы украдкой,
И вновь лицо своё склонял
Над этой страшною утратой.

Никто не видел, не слышал,
Как он тогда над нею замер,
Как он лицо ей согревал
Своими жаркими слезами.

...За ним — когда он выходил —
Её живой тянулся голос.
И шаг его тяжёлым был,
Всей тяжестью земли тяжёлым.

Перевёл Анатолий ПЕРЕДРЕЕВ

Старик и снег

Старик считает годы —
Все ближе смертный час.
Суров закон природы,
Придуманный для нас.

Как месяц на рассвете,
Он тает в полумгле...
Вокруг смеются дети
На молодой земле.

Старик ждёт смерти хмуро,
Бормочет невпопад...
Но как-то раз под утро
Начался снегопад.

От снега столько свету,
Куда ни глянь — кругом!
Ах, по такому снегу
Он бегал босиком!

Охотник-непоседа,
Он лазал между скал.
В году Большого Снега
Он от любви не спал!

Как белые деревья
Стряхают снег с ветвей,
Он сбрасывает бремя
Годов с души своей!

Подрагивают ветви...
А вдруг в последний раз
Старик глядит на эти
Красоты без прикрас.

Но не об этом мысли,
Когда валится снег
И свежесть юной жизни
Вдыхает человек!

Перевёл Станислав КУНЯЕВ

Слышащая сердцем

Когда члены жюри 1-го Интернационального музыкального фестиваля в Париже в марте 2016 года удостоили первой премии песню из России «Ах, польнь трава» в исполнении Елены Ворониной, они вряд ли могли предположить, что автор этих столь мелодичных стихов — с детства инвалид по слуху

Родившаяся вскоре после Великой Отечественной войны в прославленном городе Чусовом на Урале, Маргарита Пермякова в два с половиной года переболела скарлатиной и стала терять слух. К этому времени она уже не только хорошо говорила, но и читала, поэзию её не стали отдавать в специальную школу. Она училась в обычной и немало пережила горьких моментов из-за насмешек одноклассников.

Может быть, это обстоятельство привело Маргариту в другую реальность — мир книг, а может, что другое, но она стала писать. А в её замечательном стихотворении «Поэзия» слышится эхо детских переживаний:

Поэзия — как высшая молитва:
Чем жизнь труднее — горячей мольба,
Идёт в груди невидимая битва,
Порой висит на ниточке судьба...

Когда в гнетущий день изнемогаешь,
И, кажется, что всё... Конец настал...
Вдруг истину в молитве постигаешь,
Как словно кто-то мысли подсказал.

Маргарита Пермякова рано повзрослела: мать, солдатская вдова, одна растила трёх дочерей, надрываясь от безденежья. Поняв чутким сердцем, что возрождающаяся из пепла страна нуждается в стро-

ителях, Маргарита поступила в строительный техникум. Особую роль в развитии творчества девушки из Чусового сыграла преподаватель русского языка и литературы Тамара Короткова, не только расширившая её познания в мировой классике, но и привившая любовь к опере. Когда Маргарита со своей наставницей впервые в жизни попала в Пермский театр оперы и балета имени П.И. Чайковского на оперу М.Глинки «Иван Сусанин», она была потрясена до такой степени, что у неё самой стали рождаться в голове мелодии.

Получив специальность, Маргарита Пермякова была направлена на химический комбинат в г.Энгельсе. Её стихотворения стали появляться в газетах «Энгельский химик», «Чусовской рабочий», «Металлург» и других. Девушка искренне радовалась этим негромким успехам на поэтической ниве и даже предприняла попытку поступить в Литинститут, но неудачно, и с тех пор более не помышляла о своих восхождениях на литературный Парнас.

Поэзия сама открыла перед ней новые горизонты после перевода на работу в город Жуковский Московской области, где поэтесса живёт по сей день. В городском литературном объединении «Крылья» были услышаны её негромкие, но удиви-

тельно музыкальные стихи. А когда газета «Жуковские вести» опубликовала целую полосу стихов Маргариты Пермяковой, её разыскала композитор Виктория Филатова. В этом соавторстве родились песни «Банька белая», «Полюшко, полюшко», «Потому, что я в вас влюблена» и другие.

Ну а потом во Дворце железнодорожников в Москве состоялась премьера песни «Полюшко, полюшко» в исполнении Любови Анисовой, и с самобытной поэтессой стали сотрудничать другие композиторы и исполнители.

Когда песен набралось не один десяток, Маргарита решила порадовать своих уральских земляков музыкальным подарком и организовала в Чусовом ряд концертов с участием своих новых московских друзей и соавторов. Выступления были настолько успешными, что сотрудники Центральной городской библиотеки имени А.С. Пушкина решили издать стихи своей одарённой землячки отдельным сборником. Так в 1993 году родилась первая книга «Отчий дом». Через три года — вторая «Оглянись на свой дом», претерпевшая два переиздания. Стихи Пермяковой вошли во многие коллективные сборники, изданные в Москве, в «Антологию глухих поэтов России XX века».

Помимо стихов Маргарита пишет в духе народных традиций сказания, сказы, речения, сказки — они вошли в новую книгу «За горами, за долами», вышедшую недавно в Москве. Изданы два сборника клавира с песнями и романсами на её стихи. А рассказы о домашних животных составили книгу «Питомцы».

27 марта в Доме культуры «Гайдаровец» прошёл творческий вечер Маргариты Пермяковой — своеобразный отчёт перед коллегами по литературному клубу «Побеждающее слово». В программе приняли участие композитор Виктория Филатова, певец Дмитрий Тинин, гуслир Елена Семibrатова. Были показаны видеозаписи исполнения её песен Любовью Анисовой. Многие, услышав в этот вечер песни на стихи Маргариты, увидели давно знакомую поэтессу в ином свете и от души порадовались мелодиям её сердца.

Валерий ДОНСКОЙ

Творческий триптих

В «Издательстве Игоря Розина» вышла книга «Сердце к сердцу. Букет трилистников», объединившая творчество трёх самобытных и ярких современных поэтов: Антонины Спиридоновой, Владислава Цылёва и Юлии Великановой

каждый из представленных трилистников соединяет в единой художественной линии поэтические произведения трёх разных авторов — это именно «букет»

Слышишь? Хватит!
Боль уже выше порога.
Хватит! Это уже не дорога,
Это уже — в гору, под солнцем,
с крестом,
На котором... все знают,
что было потом...
Ю.Великанова

...Чтобы свет твой во тьме не померк,
Распинай себя снова и снова...
О, как жаждет Любви человек,
Озаряемый нимбом терновым!...
В.Цылёв

...А поутру Творец в тоске
Глаза откроет,
И будет Свет, и в кулаке — Зерно живое...
Сухой остаток мутных рек,
Слепой и сирый,
К руке прижмётся Человек —
Зародыш Мира».
А.Спиридонова

Только особая циклическая форма стихотворений-трилистников могла позволить, при всей разительной «самости» авторов, звучать в едином сердцебиении стиха трём разным мироощущениям и трём разным поэтическим гармониям:

«О, я верю, верю истоиво: / Твой лучистый рай ищу я. / Распались во мне: расхристан я, / Свеще Несгорающая!..» (В.Цылёв).

«...Поможет нам Небо. Я верю. / Я верую. Жар исцелит. / Глубинную силу Земли / Мы чуем, как вольные звери...» (Ю.Великанова).

Книга предельно насыщена символической, что создаёт ощущение многомерности пространства. При этом многие строки лежат в пограничной плоскости, в устремлённости к чему-то иному, важному и неисчерпаемому для каждого из авторов. При помощи звуковых и лексических конструкций им удаётся держать читателя на грани «да» и «нет», на гребне секунды «до» и «после», света и тьмы, бытия и ухода. Мелодическая выразительность целого ряда стихотворений позволяет вы-

разить надежду на проявление интереса к ним со стороны композиторов.

Что остаётся после нас? Деревьев тень.
В наивном взгляде детских глаз
грядущий день.
Произнесённые без лжи любви слова.
На полотне длиною в жизнь
лик божества...
А.Спиридонова

Проницательный поэтический почерк данной книги закономерно притянул к себе и мастерское её оформление: рисунки, фотографии и коллажи уральского художника Александра Потапова, играющие свою особенную творческую роль в общей гамме и ставшие неразделимой частью идейного единства книги, что позволяет именовать издание именно книгой-альбомом.

Три поэта — Антонина Спиридонова, Владислав Цылёв и Юлия Великанова, — словно три филигранных листа на одном смысловом и художественном стержне, дарят нам яркие краски земной жизни, недостижимость звёздных вселенных и негасимый свет своей души. И верится, что книга «Сердце к сердцу. Букет трилистников» встречена будет с благодарностью, как доброе зерно, посеянное в благодатную почву литературоведческого и читательского восприятия. И глубоко прорастёт оно в корневой системе русской поэзии.

Нина ПОПОВА

Поздравляем Антонину Спиридонову!

Дорогая Антонина!

Позвольте в эти юбилейные для вас дни выразить вам, одному из наших замечательных авторов, признательность за творчество и сотрудничество. И хотя у каждого своя божья тропа, неслучайно Валентин Сорокин ваши поэтические строки по искренности и красоте ставил в один ряд с прекрасными строками известной поэтессы Людмилой Татьяничевой. Вашу поэзию, по признанию мэтра, отличает абсолютно беззащитная, но мудрая и волевая доброта, и с первых же строк читателю передаётся это настроение. Вы активно публикуетесь в журналах, сборниках, интернете. Надеемся, что вы и дальше будете радовать читателей своим творчеством. Примите наши самые искренние поздравления с юбилеем! Здоровья вам и новых творческих свершений!

Редакция ОЛГ

Они были Первыми...

На главной площади страны в рамках традиционного книжного фестиваля «Красная площадь» 3 июня пройдёт презентация художественного фильма «Первые» и одноимённого киномана, посвящённых «птенцам петровым» — героям освоения Русской Арктики, совершившим свой подвиг в XVIII веке. А вскоре после презентации, 7 июня во всех кинотеатрах страны — от Москвы до Камчатки — состоится премьера фильма

краях вечных льдов и полярного сияния, потому фильм в итоге и получил такое название. Компанию главным героям на экране составили их друзья и недруги, воплощённые известными артистами: Валерием Бариновым (Беринг) и Сергеем Ростом (голландский шкипер Форверсон), Даниилой Якушевым (Боцман), а также актёрами Саха театра Василием Борисовым (Проводник-Якут), Тамарой Обутовой (дочь шамана Айана) и други-

Эта лента создана по мотивам пьесы Владимира Фёдорова «Созвездие Марии», основанной на реальных событиях Великой Северной экспедиции Витуса Беринга. Пьеса, поставленная Академическим Русским драматическим театром им. А.С. Пушкина, была успешно показана на подмостках Москвы, Санкт-Петербурга, Якутска и привлекла внимание президента кинокомпании «КАРО Продакшн» Юрия Обухова, ставшего главным продюсером проекта.

В итоге и появился на свет фильм «Первые», который снял молодой режиссёр Дмитрий Суворов.

Ещё на предварительной стадии этот проект выиграл гранты Министерства культуры РФ и Русского географического общества, а также получил финансовую поддержку Республики Саха, поскольку именно на её территории в прошлом развивались упомянутые события, там же планировалась часть съёмок и участие в них творческих сил Якутии.

Главные герои киноленты, которых играют молодые, талантливые и уже заслужившие любовь зрителей актёры Евгений Ткачук (штурман Семён Челюскин),

ми. В истории нашлось место всему: не только долгу перед Отечеством, самоотверженной любви, стойкости духа, но и предательству, человеческой корысти...

По понятным причинам не будем пересказывать сюжет киноленты, но упомянем, что специально для съёмок фильма в Петрозаводске был построен двадцатиметровый парусный корабль «Якуцкь» — точная копия судна, на котором 30 июня 1735 года Василий Прончищев и его коман-

да отправились в героическое плавание в Ледовитый океан. Съёмки проходили в реальных условиях осенних штормов и зимних стуж на Онежском и Ладожском озёрах, отдельные сцены снимали в Якутске, Сартавале, Санкт-Петербурге, в павильонах киностудии М. Горького. Непременно надо сказать и о том, что ценным дополнением к художественной ленте станет документальный фильм об этих же событиях, который в рамках проекта кинокомпании «КАРО Продакшн» снимает известный режиссёр телеканала «Культура» Игорь Калядин. Так что, по сути, нас в июне ждут сразу две премьеры.

да отправились в героическое плавание в Ледовитый океан. Съёмки проходили в реальных условиях осенних штормов и зимних стуж на Онежском и Ладожском озёрах, отдельные сцены снимали в Якутске, Сартавале, Санкт-Петербурге, в павильонах киностудии М. Горького.

Непременно надо сказать и о том, что ценным дополнением к художественной ленте станет документальный фильм об этих же событиях, который в рамках проекта кинокомпании «КАРО Продакшн» снимает известный режиссёр телеканала «Культура» Игорь Калядин. Так что, по сути, нас в июне ждут сразу две премьеры.

Учредитель и Издатель:

«Международное сообщество писательских союзов» («МСПС»).
© Все авторские права защищены.
Газета Международного сообщества писательских союзов
«Общеписательская Литературная газета» зарегистрирована Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-42840 от 26.11.2010.

Редакционный совет:

Председатель — Иван Переверзин.
Члены: Владимир Бояринов, Светлана Василенко, Валерий Ганичев, Маквала Гонашвили, Илфак Ибрагимов, Юрий Конопляников, Лев Котюков, Низом Косим, Владимир Крупин, Станислав Куняев, Михаил Кураев, Исхак Машбаш, Борис Орлов, Николай Русу, Владимир Середин, Николай Чергинец.

Редакционная коллегия:

Главный редактор — Владимир Фёдоров
Заместитель — Елена Степанова
Редактор — Наталия Обьедкова
Дизайн — Елена Степанова
Верстка — Алексей Новиков

Адрес редакции:

123995, Москва, Поварская, д. 52, к. 17.
Телефон: (495) 691-6307, 691-1639.
E-mail: olg-msps@yandex.ru

Отпечатано:

АО «Красная Звезда»
123007, г. Москва,
Хорошевское шоссе, 38.
Тел.: (495) 941-32-09, (495) 941-34-72
<http://www.redstarph.ru>
E-mail: kr_zvezda@mail.ru
Тираж 8000 экз
Заказ № 1683-2018
Время подписания в печать:
по графику — 24. 04. 2018 в 10.00
фактически — 24. 04. 2018 в 10.00

Принимая во внимание, что одной из базовых ценностей современного демократического общества является свобода слова и совести, редакция даёт максимальную (в пределах закона) возможность высказаться авторам. Но это не означает, что мы всегда разделяем их позиции и точки зрения.
Авторы отвечают и за достоверность предоставляемой ими информации.